

Капканы на баранов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Олег Бойко

18+

Олег Бойко

Капканы на баранов

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бойко О. А.

Капканы на баранов / О. А. Бойко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

История о слепом доверии и вынужденном предательстве, а также о том, чем может обернуться ложь во спасение и искреннее желание помочь ближнему. Океан, песчаный пляж и шелест пальм – молодому шведу по имени Эрик Хансен предстоит провести неделю отпуска в райском месте, но он еще не знает, как эти дни изменят его жизнь и какой след навсегда оставят в его сердце. А пока приезд омрачен только новостью о погибшем в результате несчастного случая русском туристе. И как же не попробовать узнать об этом происшествии больше? Особенно, если случай сводит с непосредственными участниками инцидента. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	11
3	16
4	22
5	26
6	33
7	41
8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

1

Уже и не вспомнить, когда именно я стал сомневаться, нужно ли мне все это на самом деле. А, впрочем, сейчас это уже не имеет значения.

Они чихали и кашляли всю дорогу.

И почему им всем до единого не запретили покидать родную страну? Я прекрасно помнил время, когда Китай стал очагом распространения атипичной пневмонии. Кто мог дать гарантию, что и на этот раз мои спутники не разносили в себе очередную заразу? Эти вопросы мучили меня с тех пор, как я сел в самолет, сделав пересадку в Коломбо.

Один лысый дед, прислонившись виском к иллюминатору, зашелся в кашле минут на десять. А потом они почти все надели марлевые повязки. Благо – мое место было далеко. Я сидел в самом хвосте на предпоследнем ряду огромного Боинга. Там очень сильно трясло. В хвосте почти всегда трясет.

Я отгородился от внешнего мира воображаемой ширмой, включил телевизор, встроенный в спинку впереди стоящего кресла, надел наушники и уставился в экран только для того, чтобы не слышать чихи и кашель моих спутников. Выбор фильмов на таких коротких рейсах обычно был невелик, и вникать в диалоги главных героев мне тоже особо не хотелось, поэтому я выбрал немое черно-белое кино с Чарли Чаплином, которое меня немного развеселило.

Я успокоился, и меня ничто не отвлекало от собственных мыслей. Точнее, от сомнений по поводу целой недели отпуска, которую мне предстояло провести на райском острове в одиночестве.

В полете дали два сэндвича с говядиной и апельсиновый сок. А завершилось мое путешествие грубым приземлением, как будто пилот забыл выпустить шасси.

Когда мы приземлились в аэропорту Мале, уже стемнело. Не спеша, я перевел стрелки часов в соответствии с местным часовым поясом и, подождав, когда салон самолета опустеет, последним вышел на трап, опустив на глаза козырек бейсболки. Это было бессмысленно в условиях тропической ночи, но мне показалось, что так я буду выглядеть интереснее. Хотя, кому какое дело, кроме меня самого, до того, как я выгляжу?

Если честно, я думал, что на островах будет немного прохладнее благодаря движущимся над океаном огромным воздушным массам, но я ошибался. Выйдя на так называемый свежий воздух, я ощутил себя в огромной теплице для выращивания тропических растений. И от этой «свежести» мне едва не стало дурно.

Автобуса к трапу не подали, потому что местный аэропорт был крошечным, и длинная вереница пассажиров в сопровождении работников аэропорта пешком устремилась к низкому двухэтажному зданию с мерцающей в темноте вывеской «Международный аэропорт имени Ибрагима Насира», чтобы пройти там паспортный контроль и контроль здоровья. А мне, идущему в хвосте этой длинной процессии, хотелось, чтобы всех моих попутчиков запихнули обратно в самолет и отправили куда-нибудь подальше, не заправляя баков горючим. Я списал это свое настроение на усталость и убедил себя набраться терпения.

Согласно моему ваучеру меня должен был встретить представитель туристической фирмы по имени Али. Поэтому я просто пристроился в конец длинной очереди и с облегчением вздохнул, когда за мной закрылись автоматические двери, за которыми меня ждала благодатная свежесть работавших на всю мощность кондиционеров. Спустя каких-то пятнадцать минут я без труда прошел таможенный досмотр и паспортный контроль. Весь мой багаж состоял из небольшого чемодана на колесиках и переброшенной через плечо сумочки с документами, телефоном и солнечными очками. Поэтому я с радостью прошел мимо шумной толпы китайцев, обступивших транспортную ленту, на которой медленно двигались разнокалибер-

ные чемоданы и сумки с прикрепленными к ним бирками. Направился к очередным раздвижным дверям и снова окунулся в духоту нависшей над аэропортом ночи.

На улице я сразу встретил нужного мне человека. Со скучающим видом он стоял и держал в одной руке табличку «Paradise», во второй руке – мерцающий экраном планшет.

– Али? – спросил его я.

– О, да! Меня зовут Али. Как долетели? В полете не сильно трясло? – воодушевленно отозвался он на скверном английском, расплывшись в притворной улыбке, с которой ему было предписано встречать таких, как я.

Я просто ответил ему утвердительным кивком, осмотрев с ног до головы. Типичный представитель местного населения – небольшого роста, смуглый, с темными коротко стриженными кудрявыми волосами и масляными глазками, непременно улыбочивый, но с неровными и желтыми от курева зубами. Одетый в легкие широкие льняные брюки и цветастую рубашку. Главное, чтобы он доставил меня в отель, а там уже хоть век его не видеть.

– А вы? – он с заискивающей улыбкой вопросительно посмотрел на меня.

– Хансен... – представился я. – Эрик Хансен...

Али тут же перевел взгляд на свой планшет, ткнул пару раз пальцем в экран, что-то там отмечая и перелистывая электронные страницы, а потом кивнул и снова с улыбкой посмотрел на меня.

– Пойдемте! – он позвал меня за собой, махнув рукой с планшетом. – Я отведу вас к человеку, который поможет добраться до отеля. Его зовут Саид...

А я-то уже раскатал губу, что мои приключения закончились. Черта с два! Не знаю, что меня так разозлило, но мне вдруг захотелось его ударить и непременно по голове. Разумеется, я бы этого никогда не сделал. Просто нервозность, от которой мне последнее время никак не удавалось избавиться.

От здания аэропорта, мы направились к длинной пристани, у которой было пришвартовано множество катеров и лодок. Они покачивались на воде, искрящейся в свете бесчисленных освещающих ночь огней.

Али продолжал тараторить:

– Добро пожаловать на Мальдивы, сэр! Впервые у нас? Вам должно понравиться – здесь просто рай! Особенно, если вы хотите отрешиться от повседневной суеты. Поверьте, вам очень повезло! И отель, который вы выбрали именно то, что вам нужно... Как и большинство отелей, он находится на отдельном острове. Вы и еще несколько человек поедете на катере. Остров очень живописный. Там вас ждет незабываемый отдых. Вам предложат множество экскурсий и массу всевозможных развлечений. Есть несколько ресторанов европейской и азиатской кухни, богатый выбор блюд из морепродуктов, дискотека, караоке...

– Я не пою... – небрежно бросил я в ответ.

Но мой провожатый не унимался:

– А вот и Саид! – Али указал рукой вперед. – Он один из наших лучших сотрудников и очень хороший человек. Если вам что-то будет нужно, он обязательно поможет. Главное, не стесняйтесь ему звонить по любому интересующему вас вопросу...

Внешне Саид не многим отличался от Али. Более того, они были похожи друг на друга, как братья. А отличала их только одежда. Точнее, цвет рубашки. Али был в красном, а Саид – в синем. Видимо, когда Богу надоело создавать людей, награждая их индивидуальными чертами, он придумал ксерокс.

Саид шумно руководил посадкой на большой катер, пришвартованный у причала, к которому мы только что подошли. Вокруг него толпились человек сорок пассажиров с багажом, среди которых я насчитал две дюжины жителей поднебесной, прилетевших со мной одним рейсом. Они по-прежнему не расставались со своими медицинскими масками, словно пациенты туберкулезного диспансера. Можно подумать, я отправлялся в резервацию, в карантин

для зараженных страшным вирусом, над вакциной для борьбы с которым бьются ученые всех стран мира. А мы – подопытные кролики, на которых ее будут испытывать в условиях строжайшей изоляции, чтобы предотвратить распространение мутировавших в процессе эксперимента штаммов. На ум почему-то пришло именно такое сравнение. Такой уж я фантазер!

– Можете оставить ваш чемодан там, – Али махнул рукой в сторону, куда шумная толпа туристов сгружала свой багаж. – Не переживайте, его погрузят на катер... А мне надо встретить еще нескольких человек, поэтому я вынужден вас покинуть...

Даже не взглянув в его сторону, я кивнул в ответ, и не заметил, как Али исчез, словно его и не было вовсе. Просто растворился в густом пропитанном влагой ночном воздухе. А китайцы тем временем обступили Саида плотным кольцом и наперебой, пытаясь перекричать друг друга, что-то спрашивали у него на ломаном английском. Было ясно, что мы еще не скоро отправимся, поэтому я решил немного осмотреться.

Только сейчас я понял, что представлял собой этот аэропорт. Длинный, узкий остров без какого-либо намека на ландшафт, ровный, как парковка перед супермаркетом, вдоль которого протянулась одна единственная взлетно-посадочная полоса. А чуть в стороне скромно белели в темноте двух и трехэтажные постройки аэропорта. У пристани, на которой находился я и оголтелая толпа штурмующих катера прибывших на отдых туристов, на воде покачивались многоместные скоростные катера, белоснежные яхты и моторные лодки, рассчитанные человек на пять-семь. А еще чуть поодаль, у отдельного причала в лучах искусственного света поблескивали фюзеляжи нескольких гидропланов.

Я почесал затылок и развернул бейсболку козырьком назад. До этого, надвинутый на глаза, он мешал мне смотреть прямо. Подумал было, что надетая задом наперед она может придать моему лицу еще более глупое выражение, чем оно есть на самом деле, но тут же отмахнулся от этой мысли. Да, я не считал себя красавцем. И, тем не менее, не на столько, чтобы на потеху всем стараться выглядеть лучше или серьезнее и корчить из себя непонятно что. Зачем? Какой в этом смысл? Все и каждый в отдельности, кто тебя знает, видят в тебе то, что хотят видеть. А если кому-то хочется увидеть во мне человека глупее, чем он сам, то, пожалуйста, я ничего не имею против. Наоборот, могу даже подыграть. В конце концов, преимущество будет на моей стороне, ведь я знаю себя настоящего и знаю, кто и как ко мне относится. Я – хамелеон.

Еще раз бросив взгляд на шумную толпу китайцев, которые обступили Саида, я снова отвернулся ото всех и продолжил разглядывать пристань и темноту, в которой время от времени поблескивали гребешки легких волн, а где-то очень далеко светились совсем крохотные огоньки. Одни неподвижно мигали на месте, другие – перемещались из стороны в сторону. Наверное, это были огни ближайших островов и катеров, которые курсировали между ними в этой кромешной темноте. Один из гидропланов у дальней пристани глухо заурчал мотором, отплыл подалее, развернулся и, набирая скорость, заскользил по водной глади на своих поплавках. Затем оторвался от воды и резко взмыл в воздух. Лег на правое крыло, развернулся и, пророкотав мотором над моей головой, стал удаляться, мигая красными огоньками на крыльях.

Я невольно подумал, что мы все и так находимся черт знает где, посреди Индийского океана, а этот крохотный самолетик увозил своих пассажиров куда-то совсем далеко, прочь от цивилизации – на какой-нибудь крохотный островок, где они смогут почувствовать себя современными Робинзонами. Хотел бы я так же? Вряд ли... Будучи человеком городским до мозга костей я считал, что завидовать здесь нечему. Ведь, как бы эта самая цивилизация ни развратила человечество, как бы она ни пресытила его всевозможными благами, буквально до отрыжки или изжоги, что нам хочется сбежать от нее подалее, без этих самых благ мы чувствуем себя беспомощными.

Возьмите хотя бы такие вещи, как мобильный телефон и сотовая связь. Десять-двадцать лет назад, находясь за много километров от дома, мы могли позвонить родным или дру-

зьям из телефонного автомата на углу и попросить нас встретить через неделю в аэропорту или на железнодорожном вокзале, и все – мы встречались, находили друг друга, в конце концов, могли удивить кого-то неожиданным визитом. А сейчас? Забыл телефон дома – мир рухнул, а ты – пропал! Забыл зарядить – исчез из медиaprостранства, не выложил фото в сети – никто не узнает, что с тобой сегодня произошло, а то и вообще подумают, что с тобой беда приключилась. «Встретьте меня, прилетаю во столько-то...», «Еду в такси...», «В аэропорту...», «Прошел регистрацию...», «Я в самолете, прилечу – напишу...» и через пять минут «Еще не взлетели...» – вот как мы сейчас зависим от благ, дарованных нам цивилизацией.

Кстати, я даже не включил свой телефон после приземления. А впрочем, мне особо некому было звонить. Так же, как некому было беспокоиться, добрался ли я до конечной точки моего путешествия. Это еще одна моя особенность. Я не очень общительный человек. Но так уж сложилось. Я – молчун. Думаю много, но редко эти мысли озвучиваю. Не люблю шум и галдеж. Даже если раздражаюсь, как недавно в самолете, набитом не умеющими себя тихо вести представителями самой многочисленной нации, чихающими и кашляющими в свои медицинские повязки, все равно промолчу. По большей части просто созерцаю окружающий мир, делаю выводы и действую так, чтобы не нарушать гармонию, которую пытаюсь отыскать или достигнуть во всем. Зануда – одним словом. А еще не так давно, прочитав статью известного психиатра в одном из научных журналов, обнаружил у себя кое-какие косвенные признаки легкой формы аутизма.

– Вы идете?

Я вдруг словно очнулся, сбросив с себя оцепенение, и обернулся.

– Да-да, вы... – Саид смотрел на меня, потом опустил взгляд в такой же, как у Али, планшет и вопросительно добавил. – Эрик Хансен?

За его спиной китайцы шумно штурмовали скоростной катер.

– Да, Эрик Хансен – это я...

– Поторопитесь, пожалуйста, – почти прокричал он, чтобы перекрыть гомон. – Багаж уже погрузили, скоро отплываем.

– Конечно. Спасибо, – ответил я ему и пристроился в конец очереди.

Жители поднебесной оккупировали почти весь салон, но я все-таки нашел два свободных места и уселся у окна. Чуть позже место рядом со мной занял Саид.

Взревел мотор, который все же не смог заглушить перекрикивающихся пассажиров, и катер медленно отчалил. Я прислонился лбом к теплему плексигласу большого окна, тянувшегося вдоль всего борта, и, стараясь не обращать внимания на шум, смотрел сквозь капельки брызг на пылающий яркими огнями горизонт.

– Это Мале – наша столица... – едва различил я голос Саида, но не стал ничего отвечать.

Катер к этому моменту уже шел на приличной скорости, чуть задрал нос, и приятно покачивался вверх-вниз. Закрыв глаза, я мысленно стал напевать себе какую-то мелодию, подстраивая дыхание под эти покачивания.

– Вам нехорошо? – участливо спросил Саид.

Я открыл глаза и обвел взглядом заполненный пассажирами салон.

Просто усталость. Сказывался долгий перелет с несколькими пересадками, а в полете я обычно сплю очень плохо, и смена часовых поясов. Но я не стал перечислять вслух ничего из этого.

– Нет, все в порядке. Далеко нам еще плыть?

– Погода хорошая, волн нет. Поэтому минут тридцать-тридцать пять, не больше. А вот если поднимается ветер и даже небольшая волна, то подобное путешествие может растянуться до часа. Тут повсюду коралловые рифы, и во время шторма надо быть очень осторожным.

– Надеюсь, сейчас мы вне опасности? – спросил я, сам удивляясь тому, что решил поддержать разговор.

– Не волнуйтесь! Местные ребята, такие, как наш капитан, знают эти места как свои пять пальцев. Многим может показаться, что они частенько лихачат, но на самом деле они не любят рисковать. Всегда перестраховуются лишний раз, сбавят скорость, обойдут риф подальше. Все-таки они отвечают за безопасность пассажиров и благополучие собственных семей, которые никто кроме них кормить не будет.

Я понимающе кивнул головой. Саид мне показался действительно хорошим человеком. Он был весьма доброжелателен и ненавязчив. Только я не знал, как он отнесется к тому вопросу, который я хотел задать уже давно, но никак не решался. Я помолчал еще немного, а потом тронул его за рукав рубашки, и, когда он повернулся ко мне, спросил:

– Так всегда или сейчас китайский сезон?

По всему было видно, что он не совсем меня понял. Либо просто не ожидал настолько прямого и бестактного вопроса. Тогда я спросил еще более прямо:

– Почему так много китайцев? Или это временное явление?

– А, понятно, – Саид кивнул в ответ и широко мне улыбнулся, – так всегда. Их везде и всегда много! Тем более им и лететь к нам относительно не далеко. Только шуму от них много. Но они – туристы, которые оставляют здесь свои деньги. А туристы – наш хлеб. Мы все здесь живем за счет туризма...

Я был вполне удовлетворен ответом.

Но продолжать разговор не стал. Снова прислонился лбом к окну и закрыл глаза. А спустя несколько минут наш катер причалил к ярко освещенной пристани, где уже покачивались несколько катеров поменьше. И судя по расцветке и надписям, один из них принадлежал местной полиции.

Я подождал, когда все покинут катер и, снова натянув бейсболку козырьком назад, сошел на деревянную пристань последним. Вдохнув полной грудью густой пропитанный влагой ночной воздух, я огляделся.

О поросшие ракушками сваи пристани плескалась темная вода. Сама пристань представляла собой несколько широких мостков, опоясывающих крошечный островок, в центре которого между нескольких пальм приютилось приземистое строение с потушенной неоновой вывеской «Дайвинг-центр».

Наблюдая за тем, как длинная вереница людей быстро удалялась по низкому мостику над водой, который заканчивался на песке перед аркой с надписью «Reception», я подумал, пусть бегут. Разбредутся по своим коморкам, а я потом в тишине спокойно зарегистрируюсь, получу ключ и отправлюсь в свое бунгало.

Даже отсюда было видно, что остров утопает в зелени. По левую сторону от арки над входом в отель тянулись густые заросли шелестящих листвой деревьев и пальм. А от деревьев к воде сходила полоса белоснежного песка. То, что он белый, было видно даже ночью.

На пристани уже почти никого не осталось. Только трое низкорослых, но крепких мужчин за моей спиной принялись разгружать багаж. А еще, стоя рядом с дайвинг-центром, Саид о чем-то говорил с двумя мужчинами, облаченными в форму. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что один из них – полицейский, а второй, скорее всего, состоял в штате охраны отеля. Лица у всех троих были озабоченные.

Потом Саид бросил на меня короткий взгляд и, оставив своих собеседников, подошел ко мне.

– Что-то случилось? – спросил его я.

– Случилось... – помрачнев, ответил он после некоторой паузы и показал рукой в сторону, откуда пришел сам, и где остались стоять оба мужчины в форме.

Я стал всматриваться в полумрак, но не увидел ничего, заслуживающего внимания.

– Что там?

Саид не ответил и лишь еще раз кивнул головой в сторону, куда нужно было смотреть. И тогда я увидел, как из маленького сарайчика, приютившегося у стены дайвинг-центра, мужчина в рабочем комбинезоне выкатил какую-то тележку. Сначала я не разобрал, что это было такое. Что-то длинное и прямоугольное. Но потом полицейский включил свой фонарик, луч которого осветил предмет. Оценив на глаз его размеры, я сделал вывод, что эта коробка ни много ни мало походит на оцинкованный гроб. Полицейский тем временем что-то сказал второму мужчине в форме охраны отеля, а потом указал рукой в сторону катера, на котором мы только что приплыли.

Смутное чувство тревоги закралось мне в сердце.

– Ладно, пойдете, – робко произнес Саид, словно извиняясь за то, что я стал свидетелем картины, которая раз и навсегда перечеркивала прелести предстоящего мне отдыха. – Надо разместить вас в отеле...

– Хм... Похоже, кто-то смертельно устал отдыхать. – Возможно, слишком безучастно прокомментировал я увиденное.

Да, это еще одна моя особенность. Иногда я бываю на редкость и до неприличия циничен.

Саид ничего не ответил и зашагал по мостику к входу в отель. Мне ничего не оставалось, как пойти вслед за ним. Когда я оглянулся, тележку с гробом уже закатывали на палубу полицейского катера.

2

За аркой с надписью «Reception» я попал под свод из переплетенных между собой широколистных деревьев, под которым пересекались деревянные дорожки, ведущие на пляж, в центральный холл отеля и в бар, из которого доносились голоса людей и музыка.

Центральный холл, куда меня повел Саид, представлял собой просторную круглую площадку под огромным конусообразным куполом, крытым пальмовыми листьями. Поддерживался он множеством массивных балок, закрепленных на высоких бетонных столбах, отделанных деревянными панелями, чтобы их вид максимально гармонировал с окружающей природой. Стены здесь заменяли живые изгороди из тщательно постриженных кустов, либо невысокие – до середины груди – простенки из камня. Кругом стрекотали цикады, где-то, надрываясь, квакала лягушка, а в переплетении балок с закрепленными на них лампами освещения мельтешили сотни мотыльков.

Слева полукругом располагалась стойка регистрации, за которой суетились трое работников отеля в форменных одеждах. По периметру располагались диванчики и кресла для вновь прибывших гостей. На столиках перед этими диванчиками лежали груды рекламных проспектов, которые заметно поредели, разойдясь по рукам прибывших со мной китайских туристов. Они уже получили ключи и разбирали из общей кучи чемоданы, чтобы отправиться с ними по своим бунгало.

Кроме них здесь были несколько человек и европейской внешности. Кто-то из тех, кто уже находился на острове до нашего приезда. Две молодые парочки в мятых шортах и футболках – среди прочего гама до меня донесся их французский прононс – стояли в обнимку и разглядывали объявления на информационной стойке перед уже закрытым бюро досуга и развлечений. По оставшейся у меня за спиной деревянной дорожке из бара в сторону пляжа медленно прошаркала пожилая супружеская чета. Седовласые старики были облачены в белоснежные одежды, он – в идеально выглаженные рубашу и брюки, а она – в длинную юбку и немного старомодную блузку.

Я медленно проводил стариков взглядом, пока Саид что-то объяснял китайцам, которые все никак не могли разойтись и галдели так, словно обсуждали план захвата острова. Потом вдруг отметил для себя, что на одном из диванчиков сидела еще одна странная парочка, которая не могла не привлечь к себе внимания. Это была невысокая девушка в свободном синем платье, которое не могло скрыть ее потрясающую фигуру, стройная и миниатюрная брюнетка с короткой стрижкой. Смуглый худой мужчина с копной кудрявых волос был одет в полицейскую форму и держал в руках свою фуражку. Они сидели рядом вполборота друг к другу и что-то тихо обсуждали.

Я с радостью еще понаблюдал бы за ними, точнее, за девушкой, но Саид, видимо, решив все вопросы с китайцами, снова обернулся ко мне и позвал за собой к стойке регистрации. Там он перекинулся парой слов с работниками отеля и, выдав мне регистрационную карту гостя, помог ее заполнить.

– Где я могу перекусить сегодня? – спросил я у него, отдавая вежливо улыбающемуся работнику заполненные документы и паспорт.

– Главный ресторан, завтраки, обеды и ужины в котором включены в программу вашего полного пансиона, уже закрыт, но я могу попросить кого-нибудь, чтобы вам в номер доставили ланч-бокс, так как сегодняшней ужин, которым вы не успели воспользоваться, входит в стоимость вашей путевки и оплачен. Кроме того, есть еще три ресторана, где вы можете поужинать за деньги. Точнее, два, третий – японский сегодня закрыт, но кухни остальных работают до часа ночи... и есть еще бар...

– Спасибо, Саид, я подумаю...

Ожидая, пока щупленький островитянин в форменном костюме отеля вернет мне паспорт и выдаст ключ от бунгало, я еще раз окинул взглядом холл. Китайцы все до одного разошлись, исчезли и четверо французов. Даже девушки в синем платье не было, и только полицейский, напяливший на кудрявую голову свою фуражку, топтался под аркой, через которую я не так давно пришел сюда с пристани, и что-то черкал в своем маленьком блокнотике. Зато из бара в холл переместилась небольшая шумная компания из троих парней и двух девушек. Все они уже и так были в изрядном подпитии, но у каждого все равно с собой было по бокалу с коктейлем, которые они поставили на один из столиков и, оживленно болтая, плюхнулись на диван и в кресла.

– Ваши документы и ключ! – служащий отеля протянул мне документы. – Ваше бунгало под номером 18. Можете располагаться. Вас проводить?

– Спасибо, не надо... Я найду... – ответил я, забирая бумаги и ключ-карту, и, обернувшись к Саиду, спросил, – Так что здесь все-таки случилось?

– Что? – переспросил он.

– Я спрашиваю, что случилось с человеком, которого отсюда увозят в гробу?

Он испуганно выпучил глаза, быстро взял меня под локоть и поспешил отвести в сторону от стойки регистрации. Я даже едва успел подхватить свой чемодан.

– Простите, но подобные инциденты и разговоры о них рождают слухи, которые потом плохо служат репутации отеля... Я надеюсь, вы меня понимаете...

– Да, конечно... И все же... Просто интересно. Я не буду ни с кем это обсуждать. Честно!

Саид воровато огляделся по сторонам, а потом придвинулся ближе ко мне и тихо произнес:

– Я знаю, что это был русский турист. Отдыхал здесь один, решил записаться в школу дайвинга. И вот, во время тренировочного погружения, когда в одном из баллонов закончился кислород, и надо было переключиться на второй, что-то пошло не так... Говорят, он запаниковал и, наверное, стал беспорядочно крутить вентили. Одни говорят, что он сам себе нечаянно перекрыл кислород, другие – что запасной баллон почему-то вообще оказался пустым. В итоге он в панике вынул изо рта загубник и захлебнулся, бедняга...

– Да, уж... – я почувствовал, как несмотря на окутывающую меня жаркую ночную духоту, по спине пробежали мурашки. – А он точно был русским?

– Да!

– Откуда такая уверенность?

– Я русских много повидал на этой работе, мистер Хансен, и этот точно был русским. Кроме того, я так же, как и вас встречал его в аэропорту и доставлял на остров. Звали его – Виктор Колосов. И ругался он по-русски, особенно когда по телефону говорил... Так только русские ругаются!

У меня по спине пробежала очередная волна мурашек. Я повторил про себя услышанное имя и, наверное, как-то неуместно усмехнулся, что вызвало у моего собеседника удивление.

– Что такое? – спросил он.

– Нет, ничего... Тебе виднее, Саид. Русский так русский... Знаешь, вариант с ланч-боксом меня вполне устроит... Сможешь договориться?

– Нет проблем, мистер Хансен! Сейчас все организую!

– Спасибо. А то я подумал и решил, что никуда уже сегодня не хочу идти. Устал. Перекушу в номере и лягу спать...

– Как вам будет удобно! Сейчас предупрежу, чтобы вам доставили ужин в номер...

На этом мы попрощались, так как ему еще предстояло вернуться в Мале. Я же покинул холл отеля и направился к своему бунгало по широкой выложенной плиткой дорожке, освещенной низкими фонариками, установленными прямо над землей. По пути встретил несколько

праздно шатающихся парочек разных возрастов, которым до меня, как и мне до них, не было никакого дела. А потом, сверяясь с указателями, не спеша набрел на свое бунгало.

Это был небольшой домик под номером 18, стоявший по правую сторону от дорожки и утопающий в шелестящей листве растущих вокруг него деревьев с большими широкими листьями. Я открыл дверь ключом, вошел и включил свет.

Внутри было просторно. На полу лежал светлый кафель. Белые стены. Напротив двери в санузел – стенной шкаф. Большая двуспальная кровать, два небольших коврика по обе стороны от нее, два плетенных кресла и стеклянный столик напротив окна, которое было занавешено плотными шторами. Над изголовьем кровати и на соседней стене висели странные картины в кричащих красно-оранжевых и сиренево-лиловых тонах, абстрактно изображавшие пойманных в сети и подвешенных над водой акул. Напротив кровати стоял широкий письменный стол, стул с плетеной спинкой, на стене – зеркало, рядом – телевизор на высокой тумбе, в которой был расположен мини-бар. Потолок был высоким, а по центру свисала большая люстра-вентилятор с широченными лопастями. И, конечно же, самым незаменимым предметом был кондиционер, который я тут же включил, чтобы не умереть от жары в этой тропической духоте.

Чемодан я оставил у входа, решив, что позже разберу вещи. Открыл мини-бар и долго изучал его содержимое. Потом вздохнул, взял маленькую бутылочку виски, банку колы и сварганил в высоком стакане незамысловатый коктейль. Но не успел я его даже пригубить, как в дверь постучали. Я открыл – это был посыльный из ресторана, который принес мне ланч-бокс с ужином. Когда он ушел, я бросил коробку с едой на кровать, открыл дверь, которая была расположена рядом с окном и выходила на небольшой дворик, где стояли два деревянных шезлонга и столик. Этот дворик был отгорожен от пляжа густой стеной из деревьев и пальм.

В этой живой изгороди прямо напротив двери, в которой стоял я, чернел проем естественной арки, образованной ветвями деревьев. И где-то далеко в этом темном проеме в свете почти полной луны мерцала вода лагуны. Я разулся и босиком сошел на песок, который оказался теплым несмотря на то, что стемнело уже довольно давно. Медленно ступая и чувствуя, как мелкий песок просачивается между пальцами ног, я вышел через арку в темноту, окутывающую пляж. Снова пригубил из своего стакана и уселся на песок, зарыв в него ноги по щиколотки.

Сидел, смотрел по сторонам, рассматривал освещенный цепочкой круглых фонариков длинный мостик, ведущий к причалу. Слушал, как легкие волны тихо плещутся в темноте. В задумчивости наблюдал за мелькающими в темноте пляжа или просто неподвижно сидящими на песке темными силуэтами людей. Думал о том, что я здесь делаю? Точнее, что я здесь делаю один? Ведь в такие места люди приезжают парами, либо всей семьей – с детьми. И не то, чтобы мне было скучно одному. Я в принципе люблю побыть один, и не вижу в этом ничего плохого, но романтика, которая так и сочилась здесь из всех щелей, наводила на мысль о том, что я в этом райском уголке стану белой вороной. А ведь это только самое начало моего отпуска. И в довершение ко всему этот странный инцидент с русским туристом.

– Добрый вечер! – вдруг раздался из темноты мужской голос с легкой хрипотцой.

Я вздрогнул от неожиданности. Повернулся и сощурился в попытке навести резкость, пока не увидел выплывший из темноты силуэт. Затем в полоске света, которую отбрасывал фонарь на заднем крыльце моего бунгало сквозь арку в ветвях, я увидел жилистого, высокого, но немного ссутулившегося мужчину в шлепках, красных шортах и желтой майке. На вид ему было далеко за сорок, наверное, даже ближе к пятидесяти. Лысый с каемкой рыжих волос, идущих через затылок от виска до виска над мясистыми ушами, он был весь в веснушках, включая руки и ноги, тоже покрытые редкой светло-рыжей растительностью. На щеках рыжая небритость, нос картошкой, губы тонкие, близко посаженные глаза – две узкие щелки под нависшими над ними неряшливо кустиющимися бровями.

– Здравствуйте, сэр! – говорил он по-английски, немного шепелявя, и в знак приветствия махнул мне перехваченной за горлышко бутылкой пива.

– Добрый вечер! – тоже поприветствовал я нетрезвого гостя, подняв свой стакан с виски-колой. – Чем могу быть полезен?

– Вы живете в этом бунгало?

– Да... – осторожно ответил я, глядя на него снизу вверх. – А что?

– Нет, просто... Я просто тут... э-э-э... гулял после ужина и после бара... убивал, в общем, время... и вдруг понял, что пора бы на боковую, но идти вокруг так лень...

– И? – снова спросил я, не зная, что сильнее испытывал в тот момент, раздражение от столь неожиданного и бесцеремонного вторжения в мой размеренный первый вечер на этом острове или просто удивление.

– В общем, пока бунгало пустовало, я пару вечеров пользовался этой аркой, чтобы сократить путь к своему домику, который находится на противоположной стороне острова. Но, так как с сегодняшнего вечера эта территория принадлежит вам, я просто обязан спросить разрешения пройти этой дорогой...

Видимо, красноречие просыпается у всех выпивших, так как ему достаточно было спросить «можно ли пройти?» или вообще пройти молча – я бы ему слова не сказал. Но разговор уже завязался сам собой.

– Да ради Бога... Проходите... Могли бы даже не спрашивать...

– Спасибо! Спасибо вам!

– Не за что... – ответил я, абсолютно не желая продолжать беседу, и жестом предложил мужчине проходить мимо.

Но он все-таки притормозил, поравнявшись со мной.

– Вы не англичанин? – посмотрел на меня сверху вниз, а потом уже утвердительно добавил. – Нет, определенно, не англичанин...

– Нет, – вздохнув, ответил я... – не англичанин...

– Но английский у вас очень хороший!

– Спасибо!

– Так откуда вы, если не секрет?

– Из Швеции...

– О! Швеция! Вы – швед, точно! Как же я сразу не догадался?!

– А с чего бы вам догадаться? Светлые волосы – далеко нет показатель, а в остальном мою внешность с трудом можно назвать типично шведской.

– Это вам так только кажется! Просто я обычно сразу определяю откуда человек родом, будь то немец, француз, испанец, итальянец или даже русский... А вот с азиатами, черт бы их побрал, проблема – все на одно лицо для меня – корейцы, японцы, китайцы, вьетнамцы... Странно, что я не признал в вас скандинава...

– Спишем это на градусы...

Мужчина удивленно вскинул брови и глянул на свою бутылку, а потом снова на меня.

– Я про температуру воздуха.

– Ах, вот оно что?! – усмехнулся он. – А я-то думал, что вы мне таким образом замечание сделали по поводу выпивки... Ха-ха! Вы шутник! Как вас зовут?

– Эрик...

– И все?

– Эрик Хансен!

– Ну, будем знакомы! – он протянул мне свою веснушчатую руку. – Рональд МакКонел. Можно, просто Рон.

Я ответил на рукопожатие из положения сидя, так и не поднявшись для этого на ноги.

– А вы знаете, откуда я?

– Судя по фамилии, в роду явно были шотландцы...

– Да, я шотландец. Из Абердина. А ты смекалистый парнишка!

– Назвались бы О`Брайеном – я бы предположил, что вы ирландец...

– Потому что рыжий?

– Да.

– А вы сегодня приехали, Эрик?

– Да.

– А где ваша спутница? – этот Рон МакКонел был мастером задавать спонтанные и очень неожиданные вопросы.

– Я один приехал...

– Серьезно? Почему?

– Нет девушки, захотел побыть один – какая разница... Я просто отдыхаю. Вы, я смотрю, тоже тут один бродите... Или вы с вашей подружкой сегодня решили накидаться по отдельности?

– Ха-ха! Ну, ты хохмач, приятель! – похохотал Рон и приложился к своей бутылке, пока я тоже делал глоток. – Моя старушка сказала, что знать меня больше не желает. Сказала, что выходила замуж за перспективного начинающего бизнесмена, а я не оправдал ее ожиданий. У меня была своя небольшая рыболовецкая флотилия, но дело прогорело, еле выбрался из долгов. Вот она и свалила. Забрала сына и уехала к родителям в Глазго. Типа больше так не может и не хочет влачить жалкое существование... А на самом деле, я-то знаю, что у нее другой давно появился... Какой-то хрен из Эдинбурга, банкир – холеный такой, в дорогих костюмах вечно, на тачке дорогой... Мразь! А я вот плюнул, собрался и рванул сюда на последние... подальше от всех них... Порыбачить хочу в океане... Ты любишь рыбалку?

– Э-э-э... Не то, чтобы нет... просто, наверное, не рыбачил никогда... Ну, чтоб серьезно... Так-то с удочкой бывало случалось посидеть на берегу, но не более...

– А, может, вместе как-нибудь? – радостно спросил он, но тут же осекся, встретив мой изумленный взгляд, брошенный на него снизу вверх. – Ладно, что-то я разошелся... Простите меня, Эрик...

– Ничего... Бывает...

– Да, уж... Не буду вас больше отвлекать в ваш первый вечер здесь... Еще раз извините... Я пойду...

– Да, ничего страшного. Все нормально. Еще увидимся, думаю, и поболтаем. Хорошо?

– Конечно...

– Рад знакомству, Рон!

– Взаимно! До встречи, Эрик...

На прощание мы зачем-то чокнулись, он бутылкой, я – своим стаканом, и отхлебнули по неслабому глотку каждый своего напитка.

После этого он ушел. А я сидел и переваривал новую абсолютно бесполезную информацию, полученную в результате этого спонтанного разговора с моим новым знакомым – Роном МакКонелом.

А еще из головы не шел погибший русский турист, который так же, как я отдыхал здесь в одиночку. Виктор Колосов – у меня хорошая память на имена. Даже слишком хорошая. Вот так сюрприз в день прибытия. О чем мне еще было думать?

Я сидел и думал. Думал и прихлебывал разбавленный колой виски, пока стакан не опустел, а навалившаяся усталость не заставила вернуться в номер. Я закрыл за собой дверь, выключил кондиционер, чтобы не простыть под ним за ночь, разделся, быстро принял душ и рухнул на кровать, даже не притронувшись к принесенной мне еде.

3

Когда я проснулся, то на мгновение подумал, что проспал. Потом вспомнил, что я в отпуске, нахожусь на чудном острове, и мне некуда спешить. Это ли не счастье? Возможно. По крайней мере, мне было приятно просто лежать и нежиться в постели, слушая, как за окном на улице шелестят на ветерке листья пальм, и гудит где-то вдали мотор какой-то лодки или катера.

Повалявшись еще немного, я встал. Отыскал свой телефон и включил его. Убедился, что мне никто не звонил и не писал, долго сидел в задумчивости на краешке кровати и вертел его в руках. Потом поставил заряжаться. Бессмысленно потоптался босиком по прохладному кафелю, разглядывая номер, и пошел умываться. В ванной комнате обнаружил дверь, на которую вчера не обратил внимания, открыл ее и вышел в крохотный внутренний дворик, огороженный стеной чуть выше человеческого роста. Там был летний душ и аккуратная рабатка с ухоженными зелеными кустиками и цветами. Я не смог устоять перед соблазном и облился в этом душе. А когда с умыванием и водными процедурами было покончено, наконец, взялся за свой чемодан, который еще со вчерашнего дня сиротливо стоял не разобранным у стеного шкафа. Но заниматься раскладыванием вещей по полкам совсем не хотелось.

Поэтому я просто натянул шорты с футболкой и вышел на улицу, где в тени деревьев стояли два шезлонга и столик. Через проем арки, обнаруженной мною вчера в ветвях деревьев, открывался вид на белоснежный песок пляжа и бирюзовую воду лагуны. Недолго думая, я сломя голову ринулся в эту зеленую арку. Ноги приятно погружались в теплый песок, а в глаза тут же ударил яркий свет, стоило мне только выйти из тени. Я зажмурился, и больше минуты привыкал к ярким солнечным лучам и сверкающим бликам на воде.

По правую сторону от меня вдоль кромки воды до самого мостика, по которому я вчера шел от катера к центральному холлу отеля, тянулся пляж. Справа лагуна поворачивала и уходила вглубь острова. Там находился маленький порт, склады и всякие хозяйственные сооружения. Об этом я узнал из карты в рекламном буклете, который изучал еще перед поездкой. Хозяйственная зона была отгорожена от территории отеля высокой стеной, которая выходила на пляж слева от меня и подступала к самой воде. Но то, что находилось за ней, меня мало интересовало.

Я посмотрел на часы. Было около девяти утра. Надо было идти на завтрак, так как он заканчивался в десять утра, а меня не радовала перспектива остаться голодным с утра в первый же день своего отдыха. Я бы, конечно, от голода не умер и мог поесть в каком-нибудь другом ресторанчике или в баре, но это было бы уже за отдельную плату, а так как шведский стол три раза в день входил в стоимость путевки, я не собирался лишать себя этого блага.

Мой путь в ресторан лежал почти через пол-острова и центральный холл, где вежливые служащие прощались с одной партией туристов и тут же выдавали ключи новой группе. А в ресторане, расположенном на широкой террасе с видом на океан, я был приятно удивлен обилию европейцев. Повсюду слышалась разноязычная речь, смех, звон посуды и легкая музыка, лившаяся из динамиков, закрепленных на столбах под крышей по всему периметру террасы.

На входе меня радушной улыбкой повстречала одна из официанток – миловидная миниатюрная девушка в длинной юбке и форменном пиджаке. Она проводила меня за свободный столик и поинтересовалась, не желаю ли я чего-нибудь попить? Я попросил ее принести мне воды без газа и направился к столам, которые просто ломились от количества разнообразных закусок и основных блюд. Тарелки в руках людей, столпившихся у этих столов, были похожи на громадные тазики. И я дал себе слово, что буду ограничивать себя в еде, потому что знал – мой вес и объемы росли в геометрической прогрессии прямопропорционально ее потребляемому количеству.

Обычно, когда я видел, что превращаюсь в бесформенную субстанцию, то находил в себе силы для посещения спортзала, но вернув более или менее подтянутый вид, снова расслаблялся, и все повторялось снова и снова.

Еще одним напоминанием о необходимости придерживаться умеренного питания, стало то, что возле стола с салатами произошла встреча, которую можно смело назвать столкновением с бездной. Когда я набирал в тарелку салат из морской капусты, меня чуть не сшибло с ног что-то ужасно большое и тяжелое. Оно уперлось мне в спину, облизывалось, плямкало и тяжело сопело, так что мне даже было страшно обернуться, но я это сделал.

За мной стоял размером с двухстворчатый с антресолю шкаф человек, державший в руках корыто, доверху наполненное всем тем разнообразием продуктов, которое только было представлено на завтраке. Он сам весил, наверное, центнера два, и пока меня не перепутали с каким-нибудь моллюском и самого не положили в тарелку на лист салата, я поспешил вернуться за свой стол, ограничившись морской капустой, яичницей с беконом, парой тостов и чашкой кофе. За столом я долго думал, какое прозвище дать этому мужчине – есть у меня такая скверная черта, но на ум не приходило ничего, кроме камбалы-гиганта. Мысленно я улыбнулся сам себе, а потом вдруг вспомнил про утонувшего вчера русского, и хорошее настроение тут же куда-то подевалось.

Захотелось отвлечься от этих мыслей, и тут, как специально, на глаза попались сразу два человека, которых мне уже довелось повстречать вчера.

Первой была та самая девушка с короткой стрижкой, которая вчера вечером о чем-то говорила с полицейским, сидя на диване в центральном холле. Одетая в то же самое синее платье она легко плыла между столиков, направляясь к выходу из ресторана. Я медленно пережевывал бекон и, как замороженный, смотрел ей вслед. А ей как будто вообще не было дела ни до кого вокруг. Она просто шла, потом остановилась, словно что-то внезапно вспомнила, обернулась и немного рассеянным взглядом окинула террасу, заполненную людьми. Потом вдруг улыбнулась, смущенно опустила глаза и снова отвернулась. А я так и замер с приоткрытым ртом, ведь улыбка осветила ее личико, в тот момент, когда наши взгляды пересеклись. Или она улыбнулась кому-то, кто находился у меня за спиной? Я невольно обернулся, но не увидел никого, кто смотрел бы ей вслед.

Конечно, мне это просто показалось... Ну, с какой стати совершенно незнакомой невероятно красивой девушке вдруг улыбаться мне? Просто я, видимо, польстил себе и придал слишком большое значение совсем незначительной вещи. Как обычно.

Это для меня просто беда в отношениях с девушками – либо я переоцениваю их интерес ко мне и предстаю перед ними в образе нахала, который слишком торопит события и требует слишком много, либо наоборот – отступаю, даже если девушка нравится, умолкаю и ничего не делаю, так как считаю, что вряд ли ей интересен. Две крайности. Парадокс. Но, надо признаться, одно время, когда в вопросе отношений предпочтение отдавалось количеству, а не качеству, наглецу везло больше, чем тихоне. Только это везение не приносило морального удовлетворения и нисколько не грело душу.

Интересно, как ее зовут, подумал я, медленно возвращая взгляд на брюнетку в синем платье, но она уже покинула сцену, а передо мной неожиданно нарисовался вчерашний приятель.

Расплывшись в улыбке, обнажившей его кривые желтоватые зубы, Рон МакКонел стоял передо мной во всей своей красе, то есть со следами похмелья на лице.

– Доброе утро, Эрик!

– Угу... – ответил я.

– Можно присесть к вам?

Мне этого не очень хотелось, но прямо отказать, мне показалось, будет невежливо. И я развел руками, не выпуская из них столовых приборов:

– Садитесь, пожалуйста...

– Спасибо! – он плюхнулся на стул и небрежно бросил на стол тарелку со своей едой. – Здорово, что я тебя встретил, Эрик! Я хотел извиниться за вчерашнее... Я был пьян и, возможно, молол языком, что попало... есть у меня такая особенность – моя бывшая меня всегда за это пилила...

– Все в порядке, – поспешил ответить я, чтобы перекрыть этот словесный поток. – Не волнуйтесь, вы меня вчера не сильно потревожили. Не обидели и не оскорбили... Так что, можете не извиняться.

– Я рад... Спасибо!

– Вы вчера удачно добрались до своего бунгало?

– Да, наверное... Не помню, если честно. Но проснулся сегодня в своем номере. Ха-ха! Значит, вернулся и только потом отключился... Видимо, не стоило так налегать на джин в баре, а потом заливать все это пивом!

– Гремучая смесь, согласен. А вы, Рон, давно уже здесь заливаете свою тоску?

– Нет, только третий день! И знаете, что я вам скажу Эрик?

– Что?

– Я здесь понял одну простую истину. Если хочешь убежать от своих мыслей, то надо начинать путешествовать – это помогает. И не верьте тем, кто утверждает обратное. Нужен просто прилив новых эмоций и впечатлений.

Сначала я думал, что уеду, положу глаз на какую-нибудь деваху и забуду хоть ненадолго о прошлом. Но это все бесполезно! Взять хотя бы ту миниатюрную официанточку. Видели ее, наверное? Я вот все смотрел на нее вчера весь день и думал, как зовут красотку... Что может быть проще, возьми да спроси, так ведь нет – стесняюсь, как школьник... Да и нахрена я ей или кому-нибудь еще здесь сдался? Я вдруг понял, что приехал просто отдыхать, а не заводить новые знакомства, которые закончатся расставанием. Я ведь именно от этого сбежал из своего родного Абердина. Зачем повторять все снова?

И я понял свою ошибку, Эрик! Надо было ехать в горы! Двигаться, постоянно быть чем-то занятым, а не здесь на острове просиживать вечера в баре, заливаясь алкоголем.

– Да, мысль занятная... – ответил я с набитым ртом, складывая приборы на опустевшую тарелку.

Сказать по правде, мне вовсе не хотелось слушать жалобы и не очень логичные умозаключения этого страдальца, который, судя по всему, уже жалел о том, что приехал сюда и третий день маялся от тоски. Поэтому я покончил со своим завтраком так быстро и распрощался с Роном, пожелав ему приятного аппетита и хорошего дня.

У самого выхода из ресторана я снова повстречал двухсоткилограммового верзилу, в одиночку сидевшего за столом, за которым спокойно могли поместиться человека четыре, и, покончив с салатами, уплетал за обе щеки цыпленка размером с Боинг-747. Подумав, что одним его завтраком можно было накормить маленькую африканскую деревню, я покинул террасу.

Я прошел мимо закрытого днем японского ресторанчика, расположенной рядом кофейни и кондитерской, и вышел к большой площадке, на которой по вечерам устраивали дискотеку. За ней был расположен бар, где на деревянном балконе над водой стояло множество столиков. Там люди сидели парами, компаниями по несколько человек или в одиночку, читая книжку и потягивая через соломинку коктейль из пузатого бокала. Посередине всей этой идиллии под крышей из пальмовых листьев высилась круглая барная стойка, где улыбчивый бармен в цветастой рубашке шустро смешивал коктейли и наполнял разноцветными напитками бокалы.

А еще за одним из столиков, развалившись в плетеном кресле, сидела та самая коротко стриженная брюнетка в синем платье, которую я заметил еще вчера вечером и снова видел

несколько минут назад в ресторане на завтраке. Она была одна. Сидела, положив ногу на ногу, задумчиво глядела на океан и без интереса поигрывала соломинкой в своем бокале.

И я, конечно же, вошел в бар.

Не знаю, ради чего, ведь я никогда и ни за что не решился бы к ней подойти, чтобы познакомиться. А тут меня еще перехватила та самая официантка, о которой мне говорил Рон МакКонел. Вот она широко улыбнулась и жестом пригласила сесть за один из столиков, протяжно произнеся английское «плиз». Я плюхнулся в кресло и, чтобы не показаться чересчур нахальным, разглядывая ее или девушку в синем платье, опустил взгляд в меню, стал изучать составы предлагаемых коктейлей. Для алкоголя, на мой взгляд, было еще слишком рано, и я заказал себе апельсиновый сок, который мне принесли в фигурном бокале и поставили на картонную подставку с эмблемой отеля.

– Спасибо, – поблагодарил я официантку и потупил взгляд.

Я ощущал какое-то странное чувство смущения, словно пытался отбить девушку у Рона МакКонела. Но, признаюсь, после его слов мне тоже стало интересно, как ее зовут. Зачем? Хотя бы для того, чтобы при случае сказать ему. Только я, разумеется, этого не сделал. И было уже поздно. Как всегда. Она снова стояла у барной стойки, готовая в любую минуту приступить к выполнению своей работы. А я сидел, попивал сок и думал, что зря оставил в номере мобильный телефон, потому что лишил себя возможности втихомолку сделать фото девушки в синем платье, которая даже не повернулась в мою сторону, когда я появился в баре и проходил мимо ее столика. Что и требовалось доказать – не могла она улыбаться мне в ресторане. Показалось!

Развалившись в кресле, я сидел, закинув ногу на ногу и положив локоть на перила, за которыми внизу плескалась прозрачная вода. Передо мной открывался замечательный вид на бескрайний океан. Совсем рядом, метрах в тридцати, начинался деревянный мостик, ведущий к пристани, дайвинг-центру и итальянскому ресторану на сваях с абсолютно не итальянским названием «Сансет». Вдалеке виднелись другие острова, точнее зеленые шапки буйной растительности на фоне голубого неба и кристально чистой лазурной глади воды. А если оглянуться, то можно было увидеть песчаный берег соседнего небольшого островка и контуры деревянных домиков на сваях, которые уходили от берега далеко в море.

Пока я любовался окружающими меня красотами, мой бокал опустел, и безымянная официантка снова подошла к моему столику.

– Еще один сок?

– Да, пожалуйста...

Она поставила пустой бокал на поднос и направилась к бару, а я смотрел ей вслед. Меня бесил тот факт, что в кругу общих друзей и знакомых, даже в присутствии незнакомых девушек, я мог спокойно дурачиться, говорить всякую ерунду и быть рубахой-парнем, но спросить, как зовут эту девушку, робел. Чего уж говорить об ослепительной брюнетке, которая сидела вполоборота ко мне в нескольких метрах и потягивала через соломинку коктейль или просто сок.

В такие моменты я начинал себя тихо ненавидеть, потому что понимал, какой же я на самом деле идиот. Ведь не было ничего проще, чем просто подойти и познакомиться. Представиться самому, сделать комплимент и спросить, как ее зовут. Так ведь нет же – я с упорством маньяка-мазохиста сам себе делал хуже, подпитывая свои страхи и неуверенность мыслями о том, что у меня вряд ли что-нибудь получится, и нет смысла затевать знакомство на эти несколько дней, ведь вскоре каждый вернется к себе домой к своей обычной будничной жизни.

Я вообще очень часто делаю вещи, которые трудно поддаются объяснению. Когда следует молчать, меня не заткнуть, а если надо говорить – молчу. И, если честно, я удивляюсь, как мне удастся жить в мире с самим собой. Возможно, потому что я терпеливый. Даже слишком терпеливый... или нерешительный? Вот так и живу, злюсь тихонько сам на себя, коплю в себе этот негатив и боюсь его выплеснуть наружу. Вдруг сорвусь, и пострадает абсолютно ни в чем

не виноватый человек, а я терпеть не могу делать людям больно. Ненароком иногда бывает, но специально – точно нет.

Когда я размышляю на подобные темы, у меня портится настроение. Вот и сейчас оно вдруг стало хуже некуда. А мне только этого не хватало. Но даже тот факт, что мой приезд совпал с гибелью русского туриста, настораживал и был словно своего рода предупреждением. И этот чертов Рон МакКонел со своими семейными проблемами, и все эти мысли – зачем они мне здесь, когда у меня есть возможность просто отдохнуть?

Я взглянул на часы – было почти одиннадцать. Народу на пляже и у бассейна заметно прибавилось. Надо было и мне чем-то себя занять, потому что сидеть и без толку глазеть на девушку, к которой я никогда не решусь подойти, смысла не было.

Допив сок, я расписался в счете, чтобы расплатиться по выезду из отеля, поднялся и хотел уже выйти из бара в сторону пляжа, но там светило ужасно яркое солнце. А мои солнечные очки и бейсболка остались в номере. Поэтому, чтобы не печься под солнцем, не щуриться в его лучах, и чтобы не загребать шлепками горячий пляжный песок, я решил пройти через центральный холл по тенистым дорожкам, вымощенным плиткой.

Но, проходя мимо прекрасной незнакомки, которая навсегда должна была остаться для меня таковой, случилось нечто такое, чего я никак не ожидал. Она пила свой сок или коктейль и как раз собиралась поставить бокал на столик, а я, обходя весело болтающую компанию французов за соседним столиком и засмотревшись на них, сам не знаю, как умудрился нечаянно задеть ее руку.

– Ой! – воскликнула она.

Я резко остановился и остолбенел. На ее синем платье расплылось темное пятно от пролитого напитка, а она, поставив бокал на стол, удивленно смотрела на меня снизу вверх. И я получил возможность внимательно рассмотреть ее лицо – очень милое даже без макияжа, с тонкими чертами, аккуратным чуть вздернутым носиком, небольшими точеными губками и тонкими дугами бровей над зелеными глазами, оттененными длинными черными ресницами. Асимметричная короткая стрижка и длинная скошенная челка, которая закрывала половину лба, придавали ее по-девичьи милому лицу какую-то смелость, если не дерзость.

Но в этом ясном взгляде и легкой улыбке, которая едва коснулась ее губ, я не уловил ни капли раздражения, будто она не сердилась на меня за мою бегемотоподобную неуклюжесть. Она просто сидела, по-прежнему закинув ногу на ногу, и, как мне показалось, оценивающим взглядом осматривала меня. А я, понимая, что такие девушки, как она, оценивают меня по пятибалльной шкале на минус десять, все равно ждал в свой адрес какую-нибудь грубость. Поэтому поспешил на всякий случай извиниться:

– Простите меня, пожалуйста, – заговорил я, склонив на бок голову и приложив к груди открытую ладонь. – Мне следовало быть более внимательным... Надеюсь, я не испортил ваше платье?

– Ничего страшного! – тихо, довольно приятным голосом ответила она с улыбкой, которая мне показалась немного грустной. – Не переживайте даже... Вы ведь не специально это сделали... Отдам в прачечную, а не отстирается – выброшу. Это ведь просто вещь... Так что все в порядке!

Она со мной заговорила – я мог бы считать это прогрессом и существенным сдвигом в отношениях, если бы несколько минут назад не решил, что не бывать этому знакомству ни при каких обстоятельствах. Другая, возможно, посчитала бы за оскорбление своей величественной особы даже плюнуть мне вслед. А тут я был удостоен прощения наипрекраснейшей из всех. Но я не собирался злоупотреблять великодушием этой очаровательной незнакомки, поэтому вежливо кивнул ей в ответ, собираясь удалиться и не мозолить ей глаза своим присутствием.

– Это вы остановились в восемнадцатом номере?

Я снова замер, услышав все тот же приятный мягкий голос, и удивленно посмотрел на нее. А она словно и забыла уже про свое намокшее платье.

– Да... А откуда вы знаете? Видели меня там?

– Угу, – произнесла она, допивая через соломинку остатки своего напитка. – Видела, как вы выбегали утром на пляж... Я неподалеку живу – в пятнадцатом. Меня зовут Элис.

Она протянула мне свою изящную ручку.

– Эрик... – ответил я, робко, едва касаясь, пожав ее маленькую теплую ладошку. – Очень приятно...

– И вы здесь один?

– Ммм... да...

Я был слишком потрясен таким необычным, неожиданным и легким знакомством, чтобы ответить как-то по-другому. Симпатичная девушка сидела и скучала одна в баре на острове, который находится у черта на рогах, и вдруг решила познакомиться с таким олухом, как я, который случайно толкнул ее и облил соком? Я не мог в это поверить. Я с большей готовностью поверил бы во вторжение инопланетян на Землю. Или моя бурная фантазия снова сыграла со мной злую шутку, и я придал слишком большое значение очередной мелочи?

– Ну, будем знакомы, Эрик, – сказала она. – Вы, вроде, куда-то торопились? Не смею больше вас задерживать. До встречи...

Что ни говори, а отделалась она от меня очень красиво. По идее, я должен был приложить все усилия, чтобы остаться и в знак примирения купить ей еще коктейль или сок, но я не был бы собой, если б так сделал. Кто-нибудь другой поступил бы именно так, ведь девушки, подобные Элис, на дороге не валяются, если их только не собьет автомобиль. Но мне не повезло – остров был настолько мал, что на нем не было ни дорог, ни машин. Так что мои шансы продолжить наше знакомство резко устремились к нулю.

Когда я оглянулся на выходе, моя новая знакомая снова задумчиво смотрела на океан. А я в очередной раз пожалел, что не захватил с собой телефон и не мог сделать ее снимок хотя бы исподтишка. Дурацкая мысль, согласен. Официантка, чье имя по-прежнему оставалось неизвестным для меня и моего нового знакомого – Рона, о чем-то разговаривала с барменом.

Никому не было до меня дела.

А с чего бы иначе?

4

Я вернулся в свое бунгало только за тем, чтобы взять очки, бейсболку и телефон. В планах было изучить остров.

Я, конечно, понимал, что никаких особых открытий не совершу, принимая во внимание его размеры. Он был всего около девятисот метров в длину и чуть больше двухсот в ширину. Но такова уж одна из моих особенностей. Любое незнакомое место, куда бы я ни попал, я должен изучить. Если я входил куда-то, я должен был узнать, как оттуда выйти. Если сидеть в каком-то заведении, то лучше лицом к двери и никогда спиной к окну. Параноидальное занудство. А возможно, из меня вышел бы отличный шпион. Кто знает? Определенно, задатки у меня были. Мне об этом не раз говорили, иногда в шутку, иногда – нет.

Я еще раз проверил телефон. В очередной раз убедился в отсутствии пропущенных входящих звонков и покинул бунгало через главный вход. Сделал так, чтобы не выходить лишний раз на пляж под палящее полуденное солнце, а пройти в тени деревьев. Я спокойно шел прогулочным шагом по дорожке, рассматривая постройки, окружавшую их природу и людей, приехавших сюда провести свой отпуск. Шел по направлению к центральному холлу. На этом острове все дороги вели туда – заблудиться было невозможно.

Еще я отметил, что сегодня меня уже не так раздражало обилие шумных туристов из Китая. Кругом было очень много европейцев, что не могло не радовать, иначе я сам превратился бы в одного из этих «хунвейбинов», не выдержав такой психологической атаки. На завтраке я заметил, что здесь было довольно много немцев, а с появлением новой партии отдыхающих стало чуть больше англичан и французов.

А вообще здесь трудно было уследить за тем, когда и кто приезжал или уезжал с острова. Этот курорт с радостью принимал новых туристов и так же охотно отпускал, изрядно опустошив их кошельки. Вчера вечером кто-то уехал, а сегодня утром прибыл новый катер, который привез на своем борту новые, еще не подвергнутые солнечным лучам, полуфабрикаты туризма.

Одним из новых гостей оказался высокий светловолосый мужчина с короткой стрижкой, на вид немец или датчанин лет сорока. Почему он мне запомнился? А потому, что его левое предплечье было упаковано в гипс, а согнутая в локте рука покоилась в специальной перевязи. Свободной правой рукой он то и дело проводил по своим коротким волосам, как будто пытался уложить несуществующую растрепавшуюся шевелюру за уши. Услужливый работник отеля семенял за ним следом и волочил за собой большой, но, видимо, не очень тяжелый чемодан.

Разминувшись с этой парочкой, я свернул на другую дорожку, уводящую вглубь острова. Я хотел узнать, что находится на противоположной его стороне. И уже через пару минут мое любопытство было удовлетворено – я вышел на песчаный пляж, широкой белой полосой тянувшийся вдоль всего берега от одного конца острова до другого. По его кромке, спрятавшись под деревьями, также стояли одноэтажные бунгалo.

Слева был виден песчаный мыс, далеко уходивший в океан, а за ним другой остров с домиками на воде, который я уже сегодня видел из бара. На северном пляже ветер трепал пальмовую крышу пункта проката досок для виндсерфинга, гидроциклов, каяков и прочей дребедени для развлечения туристов. Вдалеке справа тянущаяся с севера на юг полоса пляжа закруглялась вместе с узким языком южной оконечности острова, которая и образовывала маленькую бухту, где располагались хозяйственная зона и крошечный грузовой порт. А чуть дальше над водой широкой дугой возвышался гребень волнореза, отсыпанного крупными камнями и бетонными блоками прямо поверх кораллового рифа. Этот волнорез огибал остров с южной стороны и защищал от волн внутренний порт, отгороженную от территории отеля стеной хоззону, и образовывал лагуну напротив пляжа на юго-западной стороне, где как раз находилось мое бунгало.

А на том месте, где находился я, прямо передо мной в море уходил широкий мостик на сваях. Он раздваивался и к каждой из дорожек примыкали по десять бунгало на воде. Затем эти дорожки снова сходились в одну, и на круглой платформе в самом конце располагался ресторан под названием «Санрайз». Я вспомнил, что ресторан на пристани рядом с дайвинг-центром назывался «Сансет». «Восход» и «Закат» – они были сориентированы по сторонам света.

Было скучно. Я топтался туда-сюда по мостику и насвистывал под нос какую-то мелодию, глядя, как в прозрачной воде плавают разноцветные рыбешки. И я нашел себе развлечение – стал плевать в воду и наблюдать за тем, как рыбы с жадностью кидаются на каждый плевок, выпрыгивают из воды в борьбе за эту сомнительную добычу. Ну, разве я не идиот? Стал бы нормальный человек заниматься подобной ерундой? Но прекратил я только тогда, когда понял, что мое занятие привлекает внимание тех немногих туристов, которые проходили мимо, либо спящего туда-сюда обслуживающего персонала.

Идти и осматривать полосу спрятанных под пальмами одинаковых бунгало на юго-восточной пляже мне как-то уже не хотелось, и я решил вернуться к себе. Но прежде, чем уйти, бросил еще один взгляд на воду и чуть не ошалел. Там, распугивая всех рыб, медленно плавала из стороны в сторону самая настоящая акула. Маленькая, чуть больше полуметра, и, тем не менее – это был детеныш океанского хищника. А рядом на пляже медленно и беззаботно поджаривались десятки смазанных кремами людей, чьи дети тут же плавали и резвились в воде. У меня по спине пробежали мурашки от одной мысли, что может произойти.

– Это акула? – спросил я у пробежавшего мимо официанта из ресторана «Санрайз». – Я не ошибся?

– Да, сэр! Вы правы! – добродушно отозвался он. – Только это маленькая! Иногда и покрупнее приплывают! На той неделе одну видели в лагуне на другой стороне острова...

– Ммм...

По дороге домой я не мог думать ни о чем, кроме этой чертовой твари. А я ведь еще собирался окунуться и поплавать в той самой лагуне. И что теперь? Сидеть на берегу, смотреть на воду, думая, каких чудовищ скрывают ее глубины? К чертям – в самом деле, если бы здесь акулы ели людей, то на острове следовало бы запретить купание либо истребить акул, чтобы они не ломали отдыхающим кайф, а местным – туристический бизнес.

В конце концов, риск – дело благородное. Поэтому, когда я оказался в номере, то первым делом натянул плавки и сразу же выскочил на улицу босиком. Добежав до зеленой арки в три прыжка, я остановился и осмотрел пляж. На этой стороне острова людей почти не было – всего несколько человек, лежавших на шезлонгах вдалеке, ближе к центральному холлу и ресторану с баром. То, что надо! Я не люблю, когда на пляже много народу и тебе приходится протискиваться между рядами измазанных кремами тел, когда вода взбаламучена и на ней видна радужная пленка от этих самых кремов.

Ровная поверхность воды блестела в лучах стоявшего в зените солнца. А я все смотрел и ждал, когда же над водой появится треугольный серый плавник. Не хватало только тревожной музыки из фильма «Челюсти». Но плавник не появлялся, и я решил не тратить времени даром.

Разбежавшись, я пронесся по обжигающему стопы горячему песку и ринулся в воду, поднимая тысячи брызг, а потом плюхнулся в поднятые собой же волны. Вода была теплой, как парное молоко. Напрочь позабыв об акулах, я проплыл метров пятьдесят, остановился, чтобы протереть глаза от разъедающей их соленой воды, потом развернулся и поплыл назад. Побарахтался еще немного и, добравшись до места, где мне было по грудь, встал ногами на дно. Подставил лицо солнцу. Кожу приятно пощипывало и стягивало мгновенно высыхающей морской солью.

Надо было срочно выбираться, обсохнуть и топать домой – в душ. Загорать я не люблю. Просто не могу лежать под палящим солнцем и ничего не делать. Не хватает терпения, несмотря на то, что обычно я терпелив до занудства. Пробовал читать книги – бесполезно, все

время что-то отвлекает. Например, девушки в откровенных купальниках, за которых так цепляется взгляд, но подойти к которым и познакомиться мне часто не позволяет моя природная робость. К тому же я еще был слишком бледен, чтобы долго находиться на солнце. Не хватало мне в самый первый день обгореть и проваляться несколько дней в номере под кондиционером, отдирая от себя лоскуты сгоревшей кожи.

Я нырнул еще раз и, протирая глаза от попавшей в них соленой воды, пошел на берег. Потом еще раз повернулся лицом к лагуне и посмотрел на воду и катера, пришвартованные у центральной пристани рядом с дайвинг-центром. Настроение было прекрасное. Зачерпнув руками воду, я в порыве неожиданно нахлынувшей радости поднял в воздух сотни ярких брызг, которые заиграли в лучах солнца всеми цветами радуги.

– Вы, как ребенок, Эрик!

Я резко обернулся на эту фразу, произнесенную сквозь смех мягким женским голосом, и застыл, не зная, что делать и как отвечать.

– Честное слово! За вами интересно наблюдать со стороны...

На берегу передо мной босиком на песке стояла моя зеленоглазая красавица брюнетка и улыбалась, глядя на меня. Элис. На ней было длинное небесно-голубое парео и весьма откровенный, но отнюдь не вульгарный, отдельный синий купальник, видневшийся под полупрозрачной тканью.

– Э-э-э... привет... – это все, что я смог выдавить из себя, стараясь спрятать взгляд, который упрямо цеплялся за изгибы точеной фигуры ее обладательницы.

– Как водичка?

– Теплая...

Я медленно вышел из воды, неуклюже поправляя и подтягивая плавки, и остановился на почтительном расстоянии от Элис, чтобы не дай бог не вторгнуться в ее личное пространство.

Я прекрасно понимал, что она меня не укусит, но почему-то боялся ее. Это был самый настоящий страх. Ее обворожительная красота и та легкость, с которой она ко мне обращалась, вызывали во мне необъяснимый трепет, и я боялся, что каким-нибудь неловким действием или словом изменю это ее благосклонное ко мне отношение. Или я снова напридумывал себе чего-то, чего нет на самом деле?

– Уже накупались?

– Ну, да...

– Собираетесь позагорать?

– Нет... я обычно не загораю... не люблю...

– Понятно, – кивнула она, а потом как будто с сожалением в голосе спросила. – И что, уже уходите к себе?

– Да, я собирался... это... ну, принять душ... и...

Все это время я не переставал двигаться. Словно упал бы замертво, стоило мне только остановиться. Робкими маленькими шажками я обходил Элис, не глядя себе под ноги и спотыкаясь об обломки кораллов. Придурок!

– Жаль, – ответила она, поджав губки. – А я только-только собиралась окунуться. Да еще смотрю – вы здесь... Ладно, поплаваю одна...

С этими словами она едва коснулась пальцами своего парео, и оно скользнуло по ее загорелым плечам, талии, бедрам, небрежно упав на белоснежный песок. Блаженно прикрыв глаза, провела рукой по волосам и подставила лицо солнцу, а мое сердце от волнения лихорадочно заколотилось в груди, угрожая выпрыгнуть наружу, если бы только смогло пробиться сквозь грудную клетку. На фоне ярко-красного солнечного диска лица я уже не мог разглядеть ее как следует, но видел лишь чуть приоткрытые губки и контур аккуратного чуть вздернутого носика. И если бы не легкий шум прибоя, то я услышал бы стук, с которым моя челюсть ударилась о песок.

Я опять ничего не смог сказать. А она, не обратив внимания на мое молчание, вздохнула и пошла к воде и даже не взглянула в мою сторону. Не удивительно. Чего я мог ожидать в результате подобного поведения? Будь на моем месте кто-то другой, он бы уже плавал с ней в прозрачных водах этой прекрасной лагуны, развлекал бы ее разговорами о чем угодно, и был бы доволен собой и жизнью в целом. Я же, наоборот, шел по песку в противоположную воде сторону, хмуро повесив голову и осознавая всю масштабность той вселенской тупости, которую имел неосторожность совершить.

Но, подходя к зеленой арке, ведущей к моему бунгалу, я встрепенулся, вновь услышав ее голос:

– Эрик?!

– Да?! – я обернулся, возможно, даже слишком резко и застыл в ожидании.

– Вы сегодня вечером пойдете на ужин? – спросила она, стоя по пояс в воде.

– Да... планировал... – я был вне себя от радости, что она все-таки не расхотела со мной общаться, а тем более интересовалась моими планами на вечер. Хотя, по идее, это должен был сделать я...

– А во сколько?

– Не знаю... еще не думал об этом, – снова моя ошибка, надо было просто назвать время, а потом действовать по обстоятельствам.

– А я обычно не ужинаю, – снова удивила она меня. – Ну или очень редко... А сегодня вечером хочу просто посидеть в баре, послушать музыку, выпить чего-нибудь... Может, посидим вдвоем? Если только вы не откажетесь составить мне компанию...

Тут я офонарел окончательно. Элис сама предложила мне провести с ней вечер. Я, конечно же, был на седьмом небе от счастья, но даже это не обогатило мою речь словами:

– Буду очень рад!

– Тогда, давай, в половине девятого встретимся в баре, идет? – спросила она, немного склонив голову набок.

– Конечно!

– Значит, договорились!

В этот момент мне, наверное, следовало сказать что-нибудь еще. Например, что я обещаю не опаздывать, но Элис уже повернулась ко мне спиной и плавно погрузилась в воду, дав тем самым понять, что разговор окончен. Я не понимал, как у нее это получалось? Первой начать говорить, видеть мою тупость, которая со стороны выглядела, как полное пренебрежение ее вниманием, все равно поддержать пусть короткий, но тем не менее разговор, а потом так же резко его свернуть. Поразительная способность.

Я еще с минуту смотрел ей вслед, а потом все-таки вспомнил, куда шел. Юркнул в тень арки и направился к своему домику. Хлопнул дверью и пошел напрямиком в душ.

5

На вопрос, в каком я пребывал настроении, мне даже самому себе было трудно ответить. Оно не было плохим, но и назвать его хорошим язык тоже не поворачивался. Скорее, это было какое-то пограничное противоречивое состояние неопределенности и смятения, потому что я не знал, радоваться тому, что я сегодня опять увижусь с Элис, или самоистязать за то, что вел себя на пляже, как последний дурак.

Приняв душ и шастая по комнате в одних трусах с банкой колы в руке, я подошел к окну и, отодвинув штору, взглянул через арку на доступный взору кусочек пляжа и лагуны.

Небесно-голубое парео так и лежало на песке. Элис плавала где-то на середине лагуны. Ее голова и плечи плавно перемещались над искрящейся поверхностью воды. С каждой секундой она нравилась мне все больше и больше. И я вдруг понял, что мысли об этой девушке занимают практически все свободное пространство в моей голове. Я даже практически перестал думать о погибшем Викторе Колосове.

В конце концов, я решил прекратить это наблюдение. Во мне проснулась совесть – вечно она не вовремя, и я почувствовал неловкость из-за того, что занимаюсь подглядыванием, а это было нехорошо. Даже противно стало, словно я какой-то извращенец. Тьфу.

Я сел в кресло и задумался. Я вообще в последнее время стал часто задумываться, преимущественно о всякой ерунде. Обычно я перебирал в памяти пережитые моменты, давние и не очень, и думал о том, как, где и что изменил, если бы представилась такая возможность. Бессмысленное занятие в условиях общепринятой концепции неизменности прошлого. Иногда я даже разговариваю с самим собой. Задаю вопросы и сам же на них отвечаю, словно два разных человека с различными убеждениями, взглядами и ценностями. Может быть, я схожу с ума?

Из этого гнусного состояния меня вывел стук в дверь. Он был едва слышным, и я сперва подумал, что мне показалось. Но затем он повторился уже более настойчиво. Порой, у меня бывает очень странная реакция на подобные вещи. Вот и сейчас я подскочил, как ошпаренный. Не знал, кинуться мне к двери, чтобы открыть ее, или сначала натянуть шорты. А в дверь тем временем постучали еще раз, так что про шорты я позабыл напрочь.

– Кто там? – спросил я, уже подходя к двери.

Ответа не последовало.

Я уж и предположить не мог, кто это мог быть? Но где-то в глубине подсознания я тешил себя призрачной надеждой, что это будет Элис, стоящая в прилипшем к мокрому телу небесно-голубом парео. Только, почему со стороны дорожки, а не пляжа? А не важно! И вот тогда-то я точно не буду терять времени даром, я предложу ей войти, угощу чем-нибудь из мини-бара, и не буду молчать и стоять столбом, как истукан с острова Пасхи, а сделаю комплимент, дам понять, что она мне нравится. И будь, что будет...

Но моей мечте не суждено было сбыться. А судьба-злодейка сыграла злую, но весьма забавную шутку. Когда я распахнул дверь, то увидел перед собой какую-то китайку неопределенного возраста, которая, увидев меня, да еще и в одних трусах, завопила, как потерпевшая, и, сломя голову, бросилась прочь. А я смеялся в голос, глядя ей вслед, и даже крикнул вдогонку, выражаясь словами Карлссона, который живет на крыше, сказанными им фрекен Бок:

– Ну, куда же вы? Давайте знакомиться!

Но китайка быстро удалялась, в прямом смысле сверкая пятками.

Я закрыл дверь и опять остался в гордом одиночестве. Ужасно захотелось, чтобы скорее наступил вечер, когда я смогу снова увидеть Элис, которая вопреки всей логике сама назначила время и место нашего свидания. Свидания ли? Возможно, мне стоило просто закатать губу.

Я снова подошел к окну. Лагуна, точнее, та ее часть, что виднелась в арку, была пуста. Голубого парео на песке тоже не было – она ушла. Я пропустил ее выход из воды, который,

наверное, смело можно было бы сравнить с картиной Боттичелли «Рождение Венеры». Хотя, Венере с того самого холста в плане внешних данных было до Элис, как мне до Брэда Питта.

И тут я понял, почему этот курорт с самого начала произвел на меня такое гнетущее впечатление. Потому, что я был здесь один. А в отличие от меня, если не считать напивающегося каждый вечер разведенного шотландца Рона МакКонела, люди приезжают сюда отдыхать либо семьями с маленькими детьми, либо парами, чтобы побыть только вдвоем. Они с удовольствием купаются в море, резвятся, обдавая друг друга брызгами, лежат в обнимку на пляже, общаются друг с другом и с такими же счастливыми парочками, а вечером, взявшись за руки, босиком прогуливаются по берегу при свете звезд и луны.

В такие моменты мне, как человеку, который в принципе не страдал от одиночества и даже в какой-то степени любил его, и нуждался в нем для подзарядки своих батарей, все равно иногда начинал чувствовать себя невыносимо тоскливо. Нужен ли я кому-то? Чужое счастье вызывало во мне ощущение досады, не зависти – нет, ни в коем случае! За этих счастливых я был рад и желал им долгих лет счастливой жизни в мире и согласии. Просто приходило какое-то разочарование в том, что на первый взгляд казалось вполне обеспеченной, размеренной, полноценной жизнью самого обыкновенного неприметного офисного работника, спешащего утром на работу, а вечером домой, чтобы поесть, посмотреть сериал, почитать или уделить часик своему хобби, а по выходным встречающегося с редкими друзьями или, скорее, знакомыми, а то и вовсе занятого второй работой, приносящей дополнительный доход и больше удовольствия, чем основная.

Вот почему я не любил долго барахтаться в море или валяться на пляже. Чтобы не видеть и не раздражать себя лишней раз тем, чего у меня не было – отношений, хотя бы отдаленно напоминающих семейные. Так что, видимо, стоило задуматься о том, чтобы больше времени проводить в своем номере под кондиционером с какой-нибудь книжкой в руках. И надеяться, что когда-нибудь все изменится к лучшему.

Но книги в ее привычном формате у меня с собой не оказалось. Зато под рукой был телефон. Я подключился к Wi-Fi, быстро скачал первое, что мне попало – аудиокнигу «Остров» Питера Бенчли – и, воткнув в уши наушники, завалился на кровать. Первые полчаса слушал внимательно, а потом стал терять нить повествования, потому что голова все равно была забита другими мыслями.

Я боялся, что этим вечером в баре опять проглочу язык и буду нечленораздельно мычать, как неоднократно уже делал сегодня. А если вообще не пойти? Почему? Из-за страха и неуверенности, потому что девушка оказалась более смелая, чем я? Нет, тогда она точно подумает, что я – редкая занесенная в Красную книгу скотина. И ведь, в самом деле, такой поступок был бы непростительным свинством с моей стороны.

И я решил сделать, как она. Не пойти на ужин, а вечером явиться сразу в бар. А пока мне предстояло убить время, и в этом занятии мне не было равных. Вынув наушники и отключив телефон, я быстро расправился с содержимым ланч-бокса, оставившегося нетронутым со вчерашнего вечера. Таким образом, я отказался не только от ужина, но и от обеда. Потом вернулся на кровать, улегся, заложив руки за голову, и устался в потолок, продолжая слушать аудиокнигу. Мой рекорд продолжительности подобного времяпрепровождения равнялся шести часам. Когда-то я его сам неожиданно для себя установил и до сих пор побить не мог. А впрочем, и не пытался.

Вот и в этот раз я не пролежал и часа. Понял, что из головы все-таки никак не получается выбросить одно имя. И это была вовсе не моя прелестная брюнетка с зелеными глазами, а совсем другой человек. Мужчина, как ни странно. Русский турист, утонувший накануне моего приезда. Виктор Колосов.

Я встал. Точнее, сел на край кровати снова долго сидел, вертя в руках телефон. Потом надел шорты, футболку, нацепил на ноги вьетнамки, на голову – бейсболку и покинул номер.

На улице стояла духота. Наверное, поэтому народу было мало. Люди купались в океане, в бассейне, лежали на пляжах в тени пальм, сидели в баре под вентиляторами, либо разбрелись после обеда по своим бунгало, спасаясь под кондиционерами от жары. А направился к центральному холлу.

Вдруг что-то едва различимое глазу быстро юркнуло у меня под ногами. Змея? Нет, я вспомнил – в рекламном буклете было написано, что фауна острова довольно скудная и, кроме насекомых и редких птиц, живности здесь нет, а уж тем более ядовитых или опасных для человека животных. Но все равно замер и уставился себе под ноги. Ничего. Но вот часть бетонной дорожки ожила, заставив меня отшатнуться, метнулась влево, стала коричневой, слившись с цветом земли, потом скользнула вверх по стволу дерева и замерла, поменяв цвет на темно-серый с черными прожилками. Я наклонился и присел на корточки, чтобы рассмотреть это удивительное создание природы. Ящерица с приплюснутым с боков телом, покрытым маленькими чешуйками и бородавками, с гребнем от самого затылка и до скрученного в спираль тонкого хвоста. Хамелеон – маленький притворщик. Он сидел на стволе дерева, вцепившись в кору четырьмя цепким пятипалыми лапками и, рассматривая меня, вращал своими выпуклыми телескопическими глазками. Видимо, мы одновременно друг друга испугали и теперь присматривались к возможному противнику.

– Ты даже не представляешь, как много у нас с тобой общего, приятель, – облегченно выдохнув, прошептал ему я. – Я для тебя не опасен! Как, надеюсь, и ты для меня.

Оставив его, я пошел дальше.

В холле из-за работающих в полную мощность вентиляторов духота почти не ощущалась. Несколько туристов разглядывали стенд с рекламой увеселительных мероприятий: прогулки на катере, дайвинг на рифах в открытом океане, рыбалка и все такое. За стойкой регистрации стояли двое работников отеля. Девушка говорила по телефону, а совсем молодой парень сосредоточенно что-то печатал, глядя в монитор.

Я пристроился к людям, которые выбирали себе развлечения на ближайшие дни, и сделал вид, что тоже изучаю стенд. А сам поглядывал на увлеченных своей работой работников отеля. Но вот девушка положила трубку, что-то сказала своему коллеге, слегка тронув его за плечо, и спешно удалилась, прихватив с собой какую-то папку с бумагами. Я тут же позабыл про стенд с рекламой и направился к регистрационной стойке.

– Да. Чем могу вам помочь? – подняв на меня взгляд, спросил парень, который сидел за компьютером, когда я навис над ним с лицом, исполненным непреодолимой печалью. Видимо, он был очень занят, но правила обязывали его бросить любую работу, если надо было услужить кому-то из постояльцев.

– Вы знаете, я потерял свой ключ-карту от номера... – пожал плечами я. – Это большая проблема?

– Эээ... нет... вовсе нет.

– Вы сможете сделать новый? Это долго?

– Конечно, это займет минуты три... Скажите, какой у вас номер, как вас зовут и... любой документ...

– У меня бунгало № 18, это на пляже у лагуны. Зовут меня Эрик Хансен, а вот с документом, возможно, будет сложнее... – я демонстративно похлопал себя по карманам. – Видимо, я выронил ключ на пляже. Все обыскал, но так и не нашел его в песке... А документы остались в номере...

– Это тоже не проблема. Я сделаю ключ, а потом мы вместе пройдем к вашему бунгало... Ну, чтобы сверить документы. Хорошо?

– Да, нет проблем...

Парнишка перевел экран своего компьютера в режим ожидания с эмблемой отеля и одной единственной поисковой строкой в центре, встал и принялся рыться в ячейках под стойкой. Потом виновато посмотрел на меня и сказал:

– Подождите, пожалуйста, сегодня был большой заезд – закончились карты. Я сейчас принесу. Хорошо?

– Да-да! Никаких проблем, – ответил я, обезоруживающе подняв руки.

На самом деле это именно то, что мне было нужно. Чтобы он ушел.

Чистое везение, что со мной случалось крайне редко.

Парнишка удалился в подсобное помещение, а я, осмотревшись, чтобы за мной никто не наблюдал, перегнулся через стойку и, быстро пробежав пальцами по клавиатуре, набрал в поисковой строке «Victor Kolosov» – безрезультатно. Затем, исправил на неправильное с точки зрения английского языка написание этого имени – «Viktor Kolosov». На этот раз успешно.

На экране появилось окно с информацией о постояльце. Viktor Petrovitch Kolosov, год рождения – 1967. Из данных, внесенных им в анкету при заселении, я отметил только место жительства – Москва. Заострять внимание на паспортных данных не стал. Я пробежал глазами по странице и отметил для себя дату заселения – пять дней назад, и дату закрытия счета – вчера. А также номер бунгало, в котором останавливался незадачливый русский турист – № 118. В качестве причины преждевременного закрытия счета был указан досрочный выезд по инициативе постояльца. Довольно циничная запись, учитывая то, что постоялец утонул, и вряд ли сделал это по собственной инициативе, подумав: «А не утопиться ли мне сегодня? Пожалуй, да – отличный денек для этого!». Впрочем, в отеле вряд ли были предусмотрены такие варианты, как несчастный случай, убийство или самоубийство. Как я уже говорил, я тоже иногда бываю на редкость циничным.

Быстро вернув на экран заставку с эмблемой отеля и поисковой строкой, я снова занял позу ожидающего у стойки постояльца. И сделал это очень вовремя, так как парнишка с пачкой новых пластиковых карт тут же появился из подсобки. Он быстро что-то набрал на клавиатуре, намагнитил одну из карточек и протянул ее мне.

– Извините за ожидание. Вот, готово!

– Спасибо. А скажите... Я вчера здесь видел полицейский катер и нескольких служителей закона... Что-то случилось?

– Ну, – скривился парнишка, – вообще-то нас просили не говорить об этом с гостями...

– Да? Чтобы не пугать отдыхающих, я так понимаю... Неужели, здесь могло произойти преступление?

– Ой, нет, что вы! – запротестовал он. – Нет, на этот счет не переживайте. Преступности здесь нет! По крайней мере, на островах-отелях. В Мале еще может быть, но точно не здесь...

– А что же тогда случилось?

– Только пообещайте, что никому не скажете, что услышали это от меня. Хорошо?

– Обещаю!

– Вчера один из туристов утонул! Говорят, что во время тренировочного погружения в дайвинг-школе сам по неопытности случайно спустил себе кислород из запасного баллона. Понял это, к сожалению, только на глубине, когда хотел переключиться с одного баллона на другой. Запаниковал и захлебнулся. Вот и все. Тех туристов, кто участвовал в совместном погружении, тоже просили сильно не распространяться об этом инциденте, а персоналу уж тем более запретили. Просто нам такая реклама, сами понимаете, ни к чему...

– Понимаю. Не волнуйся – я нем, как рыба!

– Хорошо. Могу вам еще чем-нибудь помочь?

– Да, как мне быстрее пройти в фитнес-центр? – спросил я, зная, что из разговора человек запоминает в основном начало и конец.

Парнишка тут же взял одну из схем острова, обвел на ней ручкой холл, фитнес-центр и наметил маршрут вдоль одной из дорожек. Затем, еще один – от моего бунгало, а когда вручил схему мне, вернулась девушка, которая прежде разговаривала по телефону и куда-то убежала с документами.

– Все в порядке? – вежливо поинтересовалась она.

– Да, – ответил я.

– Наш гость просил сделать ему новую ключ-карту и спрашивал, как пройти в фитнес-центр... Я ему подсказал и сделал новый ключ. Осталось только проверить документы, который он оставил в своем бунгало... Я могу быстро сходить с ним...

– Не стоит! – строго ответила ему девушка, и, повернувшись ко мне, снова улыбнулась. – Извините, он у нас новичок. Я вас помню. Вы заехали вчера вечером и остановились в бунгало № 18. Ничего не нужно проверять... Отдыхайте, пожалуйста!

– Спасибо.

Я кивнул им обоим и поспешил удалиться, в глубине души радуясь своей удаче. По пути сверился со схемой острова и отыскал на ней то, что меня интересовало. Но вовсе не фитнес-центр, а бунгало под номером 118. Оно находилось на юго-восточной стороне острова.

Для чего я это делал? Что хотел найти и чего добиться? Я не знал. Может, просто от скуки. Процентом на девяносто девять, что именно по этой причине. Просто, чтобы убить время... А ведь это только первый полноценный день отпуска, не считая вчерашнего – проведенного в дороге.

Всего каких-то две-три минуты, и я уже был на месте.

Ничего особенного. Все бунгало были одинаковы. И то самое, в котором когда-то проживал утонувший накануне моего приезда русский турист по имени Виктор Колосов, ничем не отличалось от остальных. Разве что окна его были плотно занавешены изнутри, а на двери висела табличка «Не беспокоить». Только она была не просто повешена на ручку, как обычно, а прикреплена к самой двери скотчем. Я обошел бунгало, но со стороны пляжа на двери красовалась точно такая же красная табличка.

Было интересно, как долго номер еще будет пустовать, пока в него не заселят нового постояльца? Там ли еще вещи погибшего и что с ними сделают? Или их собрали и увезли еще вчера вместе с телом, чтобы потом отправить домой – родным и близким?

Я стоял на песке в тени пальмы и думал, словно витал в облаках, пока резкий оклик не спустил меня с небес на землю:

– Эрик! Какими судьбами?

Я вздрогнул и обернулся на этот голос, но сразу же облегченно выдохнул. Это был Рон МакКонел. По-прежнему в шортах, майке и с бутылкой пива. Он брел по пляжу, загребая шлепками песок.

– Добрый день! – ответил я.

– Что тебя привело в наши края?

– Да так... скука...

МакКонел подошел вплотную, обдав меня кислой пивной отрыжкой, и выставил для рукопожатия свою веснушчатую пятерню. Потом покосился на схему острова в моей руке, а затем на бунгало с номером 118.

– Изучаешь остров?

– Ну, да... надо же себя чем-то занять...

Он абсолютно по-свойски, я бы даже сказал, бесцеремонно выхватил у меня из рук схему, пробежал по ней взглядом и, видимо, не обнаружив ничего для себя интересного, вернул обратно.

– Может, на пиво ко мне заглянешь? Я тут недалеко живу...

– Пошли, – согласился я.

Внутреннее убранство его пристанища на этом острове ничем не отличалось от моего. Это был такой же домик под номером 113. Пока он лазил за бутылкой пива в мини-бар, я ждал на пороге, проигнорировав его приглашение войти. А потом мы расположились на шезлонгах в тени с видом на юго-восточный пляж и ровную синеву океана.

– Отличный вид!

– Да-а-а... – ответил МакКонел, сделав крупный глоток. – Все равно, что в обклеенную фотообоями стену смотреть... Картинка не меняется, если только никто по пляжу не ходит или не торчит в море...

– Вы, я смотрю, все в тоске пребываете?

– А хрена ли тут веселиться?

– Ну, если и не веселиться, то просто найдите занятие по душе...

– А я и нашел.

– И какое же? – спросил я, вовремя спохватившись, и не спросив более прямолинейно: «пьянство?».

– Книжки читаю... Здесь у них неплохая библиотека...

– И что читаете?

– Детективы. Решил вспомнить молодость и перечитываю старину Чейза. Обожаю его сюжеты и динамику.

– Не могу не согласиться, мистер МакКонел. Сам перечитал все его произведения! И пусть говорят, что детектив – жанр не серьезный, я считаю, что к Чейзу это утверждение не относится.

– Да, это так. А ты что, решил спортом заняться? – спросил он, снова приложившись к бутылке.

– Что?

– На твоей схеме фитнес-центр был обведен ручкой... Вот я и спросил.

– А, – я махнул рукой и тоже хлебнул пива. – Просто для поддержания разговора спросил у персонала... а потом просто гулял, смотрел, что и где находится...

– И тоже стало интересно, почему это на двери бунгало с номером 118 так необычно приклеена табличка «Не беспокоить»?

Я посмотрел на него и увидел устремленный вдаль лукавый веснушчатый прищур и небритую загадочную ухмылку.

– Да, если честно... А вы знаете, почему?

– Слышал кое-что...

– И что же?

– А ты еще не знаешь?

– Нет, – слукавил я. – Ну, так что там случилось с этим бунгалом?

– Мужик, что там жил, позавчера утонул... Вот полиция и опечатала домик. Повесили табличку, чтоб туда никто не лез, но лентой обтягивать не стали, чтобы туристов не пугать...

– Что за мужик?

– Турист какой-то... Говорят, русский, но я точно не знаю.

– А как он утонул? Где? Здесь на пляже?

– Нет, не здесь, – МакКонел посмотрел на меня, потом снова на океан. – Там – с твоей стороны острова...

– В лагуне?

– Нет. В море, за пристанью, где дайвинг-центр и ресторан «Сансет». Инструкторы обычно туда вывозят людей на лодке для тренировочных погружений. Я слышал, что во время одного из них он перепутал клапаны и вместо того, чтобы переключиться с одного баллона на другой, полностью перекрыл кислород, стал задыхаться. Или переключился, но во втором

баллоне тоже почему-то оказалось пусто. Не знаю точно, а врать не хочу. Короче, он запаниковал и не смог всплыть. Захлебнулся.

– А инструктор? Куда он смотрел?

– Инструктор как раз помогала другим новичкам всплыть. Интересная деваха, я тебе скажу. Не из местных. Филиппинка, кажется. Загорелая, как рыбка подкопченная! Увидишь – сразу поймешь, что это она!

– Ясно. Так, что, этому русскому бедолаге так никто и не помог?

– Ну, как тебе сказать... Попыталась помочь одна девочка из их группы, но не смогла... Сам не слышал, но якобы она говорила, что, всплывая, увидела, как он заметался в панике внизу. Инструктор с группой других новичков уже всплывала и была выше. А она поплыла на помощь к этому русскому, но он был слишком напуган и так извивался, что не дал ей ничего сделать, чтобы помочь. Тогда она всплыла, чтобы позвать на помощь, но было уже поздно. Русский к тому времени захлебнулся. И когда инструктор снова нырнула вниз, он уже лежал на дне между кораллами.

– А сколько было в группе человек?

– По-моему, человек семь...

– Странно, что инструктор оставила его одного, начав всплытие не со всей группой... Мне кажется, это непрофессионально с ее стороны...

– Не буду ее винить. Ребята в дайвинг-центре говорили, что все в группе погружались впервые, а у девчонки и русского уже опыт был. И если девчонка даже при наличии небольшого опыта все равно сомневалась в своих силах, то русский, наоборот, хорохорился, что далеко не новичок и сам все знает.

– Самоуверенность подвела?

– Эти русские – они такие! Больные на всю голову, и ничего не боятся. Видимо, поэтому их никто победить не может...

Я пожал плечами в ответ и отхлебнул немного пива.

– Еще по одной? – спросил МакКонел, показав на свою пустую бутылку.

– Я не против...

6

В половине девятого вечера я появился в баре. На мой взгляд, очень эффектно. Уверенной походкой вошел в освещенное и заполненное людьми пространство, выйдя из темноты со стороны пляжа. На мне были светлые льняные брюки, синяя рубашка-поло и незаменимые в условиях местной жары вьетнамки. Не знаю, зачем, но в последний момент перед выходом я еще нацепил на голову свою бейсболку.

Неторопливо прошелся в темноте вдоль пляжа по песку и задержался у входа в бар перед мостиком, ведущим к пристани, дайвинг-центру и ресторану «Сансет». Там на воде колыхались два катера. Один из них принадлежал местной полиции, и это лишний раз напомнило об утонувшем вчера русском туристе. Но, взглянув на часы, я постарался отбросить эти мысли и вошел в бар.

Внутри было людно. Почти все столики оказались заняты. Обитатели тропического острова жаждали коктейлей и общения. Звуки музыки, которую на удивление не приходилось перекрикивать, сливались с голосами посетителей, плеском волн, звоном бокалов и непринужденным смехом.

Элис я увидел сразу. Она сидела за одним из столиков чуть левее барной стойки и была ослепительно прекрасна. На ней было короткое черное платье на бретельках, тонкое и легкое. Откинувшись на спинку кресла, она положила ногу на ногу и держала в правой руке бокал с коктейлем. Лево́й рукой теребила маленький кулончик в виде капельки из золота на тоненькой золотой цепочке, которая нежно подчеркивала ее идеальную шею. Но лицо излучало сосредоточенную серьезность.

Наверное, потому что за столиком она была не одна. Напротив нее и спиной ко мне сидел все тот же кудрявый полисмен, с которым я видел ее вчера вечером в центральном холле отеля. И, глядя на них, я даже остановился, задумавшись в нерешительности, стоит ли вообще сейчас подходить.

Милая официантка, имя которой сегодня утром так жаждал узнать Рон МакКонел, увидев меня, заулыбалась и жестом пригласила сесть за только что освободившийся столик, но в этот момент я вдруг перехватил взгляд Элис. Она тут же улыбнулась и махнула мне рукой, приглашая подойти. Сидевший напротив нее офицер полиции что-то еще сказал ей, на что она ответила коротким кивком, встал и, поклонившись, направился к выходу. Проходя мимо, смерил меня взглядом, но не задержался ни на мгновение. А я, проигнорировав приглашение официантки, втянул живот, расправил плечи и, нервно сглотнув, направился к столику, за которым меня ждала, возможно, самая прекрасная из девушек, с кем мне когда-либо доводилось общаться.

Только б не молчать...

– Привет...

– Привет, – улыбнулась она в ответ, но на этот раз улыбка показалась мне немного неестественной. Словно ее мысли сейчас были где-то далеко.

Элис жестом предложила мне сесть, и я сел напротив.

– Как дела? – спросила она первая, наверное, потому что я, как обычно, позволил паузе затянуться немного дольше, чем следовало.

– Нормально, – ответил я, снял бейсболку и положил ее на край столика. – А у тебя?

– Тоже все хорошо... Ты сегодня не ужинал? Я довольно долго гуляла по пляжу на северо-востоке, но тебя не видела среди посетителей ресторана. Или, может быть, я была недостаточно внимательна?

– Да, ты права – я не ужинал. На самом деле, решил последовать твоему примеру и, знаешь, чувствую, что мне сейчас гораздо легче, чем, если бы я плотно поел на ночь глядя...

– объяснил я свое отсутствие в ресторане, а сам подумал, что, наверное, не стоит упоминать о четырех бутылках пива, выпитых на жаре с одиноким шотландцем, и трех с лишним часах сна в своем номере, чтобы прийти в себя после выпитого, и в связи со сменой часовых поясов.

Элис как-то странно, как будто с сомнением, посмотрела на меня. Или я снова придал самому обыкновенному взгляду слишком большое значение. Но, по правде, я и сам не ожидал от себя такой длинной речи. А еще я не мог не отметить, что все-таки она держится со мной очень непринужденно, словно знала давным-давно и доверяла, как другу. Но быть таким же открытым в ответ я все-таки боялся, вдруг я действительно ошибся. Единственное, чего мне точно нельзя было делать, так это молчать.

– Элис, можно я вам скажу одну вещь?

– Хм... Конечно... Если только это не что-нибудь обидное...

– Нет, что вы... Ну, по крайней мере, я очень надеюсь, что эти мои слова не покажутся вам излишне грубыми или неуместными с моей стороны здесь и сейчас... Хорошо?

– Да, говори уже...

– Элис, я просто хотел сказать вам, что вы потрясающе красивая девушка... а сегодня вечером просто ослепительны!

– Ох! Даже так? – она обнажила в улыбке свои жемчужно-белые зубки и сделала вид, что удивлена и даже немного смущена, хотя, наверное, прекрасно это понимала и слышала подобные слова не одну сотню раз. – Спасибо большое, Эрик! Мне очень приятно, честно... Только, я хочу сразу тебя кое о чем попросить...

– О чем? – я понял, что наломал дров.

– Будь проще, Эрик! Расслабься. Я не кусаюсь, и ты не на экзамене... Мы просто общаемся, приятно проводим время в компании друг друга. Не надо быть джентльменом до мозга костей. Я далеко не королевских кровей, и ты находишься не на приеме у Английской королевы... К тому же я терпеть не могу весь этот официальный тон, притворные манеры и напускную порядочность. По мне уж лучше пусть парень будет самим собой и, если хочет, ругается при мне последними словами и отпускает пошлые шуточки, чем корчит из себя святошу, будучи насквозь прогнившим изнутри... Сечешь?

– Э-э... Я... Да... Конечно, как вам будет угодно, Элис... Тьфу, я хотел сказать, как скажешь! Прости...

– Я же сказала, расслабься!

– Да, я уже... спасибо! Черт, прости, я веду себя, как придурок!

– Вовсе нет, Эрик! – ответила она сквозь смех, пряча улыбку за своей миниатюрной ладошкой. – Ты очень забавный! Честное слово! Но не в том смысле, что я смеюсь над тобой – нет! Понимаешь?

– Думаю, да...

– Ну, вот. Теперь нам будет немного легче.

И, если честно, в тот момент у меня действительно словно камень с души свалился, и стало легко-легко.

Тем временем к нам подошла официантка и поинтересовалась, не желаем ли мы чего-нибудь заказать. Элис попросила повторить ей коктейль, а я заказал лимонный чай со льдом.

– Ты уверен? – удивилась Элис, когда я озвучил свой заказ.

– А что? – переспросил я.

А на самом деле я все еще не мог побороть в себе неловкость. Я понимал, что алкоголь поможет немного раскрепоститься и, возможно, даже развяжет мне язык, но все равно были причины, по которым я решил ограничиться холодным чаем. Хотя, я не очень опасался, что, напившись, могу сделать или сказать что-нибудь не так. Обычно за мной такого не водилось.

– Значит так, – обратилась она к официантке. – Забудьте про чай! И принесите молодому человеку Лонг-Айленд! О-кей?

- Лонг-Айленд, сэр? – уточнила официантка, глядя на меня.
- Да, давайте Лонг-Айленд...
- Хорошо. Одну минуту.

Я проводил официантку взглядом, а когда перевел его на Элис, увидел, что она с лукавой улыбкой разглядывает меня, покусывая трубочку своего еще не допитого предыдущего коктейля.

- Что? – спросил я.
- Ничего. Просто ты так смотрел вслед этой девушке...
- Как?
- Ну, та-а-ак... Она тебе нравится?
- Нет!
- Нет?
- Ну, не так, что совсем не нравится... Она симпатичная, но... я не...
- Ты что, оправдываешься?
- Нет.
- А, по-моему, да.
- Нет, Элис...
- Ты уже пытался к ней подкатить? Пытался познакомиться?
- Нет, я даже не знаю, как ее зовут.
- Хочешь, я сама ее спрошу?
- Нет.
- Почему?
- Не хочу!
- Ты стесняешься?
- Нет. Это вопрос?
- Нет. Просто интересно...
- Что интересно?
- Интересно, какие девушки тебе нравятся.
- В смысле?
- Ну, любишь ли ты экзотику или предпочитаешь европейскую внешность?
- Слушай, эта девушка нравится одному мужчине, с которым мы вчера случайно познакомились. Он сам из Шотландии, недавно развелся с женой и сейчас заливает алкоголем свою печаль... Но подойти и спросить, как ее зовут, он не решается...

– Ясно, – улыбнулась Элис. – Только, боюсь, твой знакомый не отдает себе отчет в том, что, на самом деле, если хочешь развеяться, то кадрить официантку в отеле на острове не самый подходящий вариант. Особенно, в стране, где официальной религией является ислам. Объясни это своему приятелю. Хорошо?

- Ммм... Да.
- Ну, наконец-то, хоть один утвердительный ответ!
- А чего ты хотела с такими вопросами?

Мы оба замолчали, серьезно глядя друг другу в глаза, а потом вдруг весело рассмеялись. Через минуту, когда мы перестали смеяться, нам принесли наш заказ, и, к моему удивлению, Элис попросила официантку задержаться на мгновение.

- Как вас зовут?
- Я готов был провалиться сквозь землю.

– Амаль, – ответила официантка, застенчиво улыбаясь, и удалилась, предварительно узнав, не нужно ли нам ничего больше.

- Ты слышал? – спросила Элис.

Я кивнул в ответ.

– Вот и передай это своему приятелю вместе с моим предостережением. Пусть подумает, нужно оно ему или нет?

– Спасибо!

После Элис предложила выпить за прекрасный вечер. Я поддержал ее идею. Мы звонко чокнулись под звуки живой музыки, и каждый приложился к трубочке в своем бокале. На маленькой сцене в дальнем конце бара темнокожий парнишка в джинсах и расстегнутой до середины груди синей атласной рубашке с воротником в стиле семидесятых жутко коверкал слова и тщетно пытался подражать Элтону Джону.

– Скажи, Эрик, а ты всегда такой напряженный с девушками?

Я поставил бокал на стол и посмотрел на собеседницу. Определенно, она умела задавать интересующие ее провокационные вопросы. По-моему, ей это даже нравилось – сохраняя невозмутимость, заставляя другого человека чувствовать себя неловко. Зато я вдруг понял для себя одну вещь – с ней могло быть очень легко, если не пытаться увильнуть от ответа и отвечать честно. Словно она всегда заранее знала правду. Удивительная девушка.

– Да, пожалуй, так... За редким исключением. В случае, если я напьюсь... Это иногда прибавляет смелости и раскованности... Но именно иногда, потому что чаще меня просто клонит в сон, или того хуже – просто вырубает на месте.

– Поэтому ты хотел заказать себе чай со льдом?

– Да.

– Боялся напиться и вырубиться?

– Нет. Скорее, другое...

– Что именно?

– Это трудно объяснить...

– Я понятливая. Помнишь, о чем я тебя просила? Будь проще.

– О-кей!

– Ты боишься не понравиться девушке и начинаешь лихорадочно думать, как бы преподнести себя в лучшем свете?

– Что-то вроде того...

– И поэтому такой неразговорчивый? Не знаешь, о чем заговорить?

– Согласен, это глупо, но, если честно, я боюсь показаться навязчивым, задавая вопросы на какие-то темы, которые могут меня не касаться. А вдруг девушка подумает, что так я подбиваю к ней клинья? И постоянно думая об этом, понимаю, что мне нечего сказать или спросить. Поэтому молчу. Однако, в компании, когда общается много народу, все не так. Я могу и болтать, и шутить, и даже флиртовать. Но только пока это вроде как в шутку...

– А что плохого в том, что тебя интересует девушка? Ты просто спроси.

– Что спросить? У кого?

– Да что угодно... У меня спроси! Я вот, например, не знаю твою фамилию. Какая у тебя фамилия?

– Хансен. Меня зовут Эрик Хансен.

– Здорово! Теперь твоя очередь!

– В смысле?

– Слушай, не тупи! Спроси меня...

– Про фамилию?

– Я уже сказала, про что угодно! Просто задай мне любой вопрос. В этом нет ничего страшного!

– Ну, хорошо. Какая у тебя фамилия? Если не секрет?

– Секрет? Смеешься? – Элис и в самом деле залилась звонким смехом. – Скажешь тоже, секрет! Кто я, по-твоему, чтобы скрывать свою фамилию? Бергман. Элис Бергман. Вот мы и познакомились!

С этими словами она чуть наклонилась над столиком и протянула мне руку. Я ответил ей осторожным рукопожатием, почувствовав в своей руке тепло ее маленькой ладошки.

– Начало неплохое! Будем дальше учить тебя общаться с женщинами. Что теперь скажешь, Эрик Хансен?

– У тебя шведская фамилия, но ты не похожа на шведку...

– А ты швед?

– Да, я – швед. Живу в Стокгольме. А ты откуда?

– Нью-Йорк. США.

– Ничего себе! У тебя родители – шведы? Откуда эта фамилия?

– Отец – швед. Это его фамилия. Олоф Бергман – он родом из Эстерсунда. Переехал в Америку еще в начале восьмидесятых. У него сейчас свой адвокатский кабинет в Бруклине. Примерно тогда же они и поженились с мамой. А мать у меня – американка с итальянскими корнями. Но я ее почти не помню, мне было всего пять, когда она умерла, и отцу воспитывать меня помогала ее многочисленная родня – тетки, дядьки, мои старшие двоюродные братья и сестры. Вот как-то так...

– Ясно. По поводу мамы – мне жаль! Честно. Терять родных тяжело, особенно в таком раннем возрасте...

– Все нормально, не переживай! Это было давно, – махнула рукой Элис. – Кстати, отец мне часто рассказывал про Швецию, но я там так ни разу и не побывала. А твои родители тоже живут в Стокгольме?

Я задумался, что мог рассказать ей о своей семье? Молчал, думал, а она смотрела на меня, и улыбка постепенно уступала место сосредоточенному вопросительному выражению, какое обычно бывает у человека, когда тот хочет спросить, не задел ли он своего собеседника.

– Я их обоих уже почти не помню... – наконец, ответил я, чтобы пауза не затягивалась слишком надолго. – Мы жили в небольшой деревушке под Эребру, и нашу семью с большой натяжкой можно было назвать благополучной. Отец с матерью частенько выпивали, ругались, могли на несколько дней пропасть из дома, по одному или вдвоем, вернуться пьяными. А когда мне было десять лет, они погибли в пожаре – отец уснул с непотушенной сигаретой.

Тогда я убежал из дома, чтобы не загреметь в интернат, про жизнь в котором рассказывал соседский приемный парнишка. Почти год прожил среди беспризорников на улице, попал в Стокгольм, а там, когда сильно заболел и испугался, что умру, сам сдался социальной службе, которая определила меня в интернат, где я провел почти пять лет...

– Ничего себе! – Элис была неподдельно поражена моим рассказом. – А потом?

– Потом, когда стукнуло шестнадцать, мне назначили опекуна, который меня выучил и дал все, что у меня есть. Это был уже пенсионного возраста старик – Нильс Густавссон. Отставной военный. Но он тоже умер несколько лет назад, оставив мне свое скромное состояние, включая квартиру и машину. Вот такая история, если вкратце.

– Моя по сравнению с твоей – вообще сказка со счастливым концом...

– Не говори так, не надо... Элис, я давно перестал себя жалеть, и могу спокойно говорить об этом. Поэтому могу показаться отстраненным и даже равнодушным, но это не значит, что я не могу сочувствовать другим, особенно тем, кто потерял родных.

– А, по-моему, Эрик, ты вовсе не похож на человека с зачерствевшей душой. Я, конечно, знаю тебя всего ничего, но ты мне кажешься очень мягким, внимательным и... в общем, добрым и порядочным человеком.

– Правда? – теперь была моя очередь удивляться.

– Да, Эрик, честное слово...

– Спасибо.

– Не за что. А обо мне у тебя какое сложилось первое впечатление?

Я смутился. Вот как ответить честно на такой вопрос девушке, которую впервые увидел только вчера, а общался с глазу на глаз всего несколько минут?

– Я не знаю...

– Не знаешь? Ну, кроме того, что я красивая, а сегодня вечером просто ослепительно прекрасна – это я от тебя уже слышала!

Она хитро улыбнулась, а я почувствовал, как залился краской.

– Ты смелая, – произнес я первое, что пришло мне в голову.

– Неожиданно... Это все?

– Нет. Еще ты честная и свободная – с тобой очень легко...

– Ммм... Скажи это моему начальству и коллегам с работы, а еще бывшему бойфренду – они тебя закидают камнями и еще неделю будут над трупом глумиться!

Мы рассмеялись. Чокнулись бокалами и выпили за то, чтобы окружающие чаще замечали и как можно выше ценили наши лучшие качества. А мне оставалось только удивляться, как она могла так абсолютно расслабленно и раскрепощено общаться на любые и даже очень личные темы со мной – незнакомым человеком – без тени намека на пошлость или вульгарность. Но сказать ей об этом я так и не решился.

– А работаешь ты где? – спросил я. – Раз уж ты упомянула начальство и коллег...

– Я еще бывшего бойфренда упомянула... – хихикнула в ответ Элис. – Или ты решил издалека зайти?

Я тоже выдал из себя смешок, но спрятал глаза. Ей снова удалось меня смутить на ровном месте.

– Ладно, прости, пожалуйста! Не хотела тебя ставить в неловкое положение. Это я, наверное, переборщила с коктейлями... Глядя на меня, не скажешь, но я работаю биржевым аналитиком в частной фирме. И если верить тем, кто меня долго знает, со мной – сложно! А ты чем занимаешься?

– О! Моя работа – это сущий ад для многих! Скука смертная, но я доволен. Я – ничем не примечательный работник переводческого отдела небольшой юридической фирмы в Стокгольме. Мы обслуживаем как частных клиентов, бизнесменов и крупные компании, так и государственные ведомства. Ну и помимо основной работы я занимаюсь переводами для газет, журналов... В общем, если надо что-то перевести, берусь за любую работу.

– Какие языки?

– Ничего экзотического. Родной – шведский, второй – английский. Перевожу и так, и так. Главное, что платят хорошо, и мне хватает.

– А девушка у тебя есть, Эрик?

– Умеешь ты задать неожиданный вопрос...

– Ладно. У меня вот был бойфренд до недавних пор. Зовут Боб. Роберт Хейли. Мы с ним на работе познакомились, он – очень толковый и успешный финансист из богатой семьи. Ворочает не только своим капиталом, но и средствами тех, кто особо не желает вникать в биржевые дела, но хочет снимать сливки.

Мы почти три года были вместе. Он красиво ухаживал, был внимателен и заботлив. И, как ни странно, меня подкупило то, что несмотря на свое состояние, он не пытался меня купить дорогими подарками и прочей мишурой, которой мужчины обычно прикрывают отсутствие чувств и примитивную похоть. Они очень хорошо поладили с отцом, и мы, черт возьми, даже подумывали о свадьбе.

Но месяц назад он вдруг заявил, что мы не подходим друг другу, и нам не стоит торопиться. Я, естественно, была возмущена этими словами и послала его ко всем чертям. Потом переживала, подумала, что погорячилась и уже через несколько дней решила попросить прощения. Только не по телефону, разумеется. Хотела, чтоб все по-человечески было. Как можно более душевно. Но предупредить о своем визите не стала... Побоялась – а ты говоришь, я

смелая! Короче, приехала без предупреждения в его квартиру на Манхэттене, ключи у меня были, захожу и вижу – они с какой-то силиконовой блондинкой, оба – в чем мать родила, развлекаются прямо на диване в гостиной...

– Да, приятного мало... И что ты сделала?

– Швырнула ему ключ от квартиры и кольцо, которое он мне дарил на помолвку, развернулась и ушла...

– Плакала?

– Плакала? Ха! – усмехнулась Элис. – Ревела крокодильими слезами!

– Слушай, я, конечно, тот еще утешитель, но раз уж этот твой Боб показал себя во всей красе, то, может, хорошо, что это произошло до свадьбы, а не после?

– После свадьбы я могла бы претендовать на часть его состояния!

Я замер с бокалом в руке, не донеся трубочку до рта. Уставился на Элис и не мог понять, серьезно она сейчас произнесла то, что я услышал, или нет. А потом увидел ее искрящийся взгляд, и мы оба прыснули от смеха. Ну, конечно же, она шутила. Еще один плюс в ее пользу – Элис не была пессимисткой и умела смеяться над своими неудачами и трудностями, которые подбрасывала жизнь.

А когда мы перестали смеяться, она абсолютно серьезно спросила:

– Так что там с твоей девушкой?

– У меня нет девушки... – опустил я глаза.

– Если вы расстались, то это явление временное. Я уверена!

– Ммм... Скорее, это явление постоянное...

– То есть?

– Ну, у меня нет девушки... Совсем...

– Ты – гей?

– Неет!!!

– Извини, если что... Я не хотела тебя обидеть, хотя против геев ничего не имею. Но, что значит, совсем нет девушки? Девушка или есть, или нет. Она не может быть чуть-чуть или на две трети... Просто интересно... Объяснишь?

– Да. Я имею в виду, что уже довольно давно ни с кем не встречаюсь...

– Давно – это сколько? Месяца два? Три?

– Почти год...

– О... Ты серьезно? А чего так?

– Не знаю. Как-то ничего не складывалось ни с кем... Но, если честно, я давно заметил, что девушки не смотрят на меня, как на потенциального партнера для построения отношений и в большинстве своем предпочитают просто со мной дружить. Так было и в школе, и в институте... Ну, а я в этом и не отказываю... Что, от меня убудет что ли?

– Честно, Эрик, из того, что я слышу и вижу – да! Убывает! Последний год – это понятно, ты вроде как отчаялся барахтаться и поплыл по течению. Ты скажи, почему? Что тебя так затормозило или напугало?

– Не знаю... Но ощущение такое, как будто интерес пропал. Ну, когда знаешь, что ничего не получится, то и пробовать не хочется уже... Просто раньше, когда учился времени не было на девчонок, с одной встречались полгода и разошлись – она нашла себе парня более состоятельного и поинтереснее. Потом так, ничего особенного... несколько знакомств на пару встреч, не больше. Ничего серьезного.

Самые долгие отношения длились чуть больше полугода. Ее звали Гвен, и она была помощником редактора в одном из журналов, который время от времени подбрасывал мне работу. Мы, кстати, тоже подумывали о свадьбе, но однажды Гвен сказала, что немного устала, и нам стоит какое-то время отдохнуть друг от друга... И это при том, что вместе мы не жили. Большую часть времени мы, конечно, проводили у меня, но полностью отказываться от своей

сьемной квартиры она не хотела. Мы не виделись недели три, хотя и перебрасывались сообщениями типа «Доброе утро», «Спокойной ночи», «Ты как там?», «Все о-кей». А потом Гвен совсем пропала на несколько дней, не отвечала на сообщения и не брала трубку. Я поехал к ней домой, но хозяин квартиры сказал, что она уже неделю как съехала, и ни ответа, ни привета. Я долго маялся, звонил ее родителям, но они отмалчивались. А потом, когда, видимо, вконец им надоел, сказали, что Гвен регулярно им звонит и, по ее словам, у нее все хорошо... без меня.

Думаю, все сразу можно было понять, но я отказывался верить в подобное, пока вдруг случайно не встретил ее на улице, живую, здоровую и счастливую, идущую в обнимку со своим бывшим парнем, с которым она встречалась до меня... Вот так...

– Это жестоко. А она тебя тоже тогда увидела?

– Да. Мы столкнулись буквально лицом к лицу.

– И что ты сделал?

– Поздоровался с ней, пожал ему руку и пошел дальше.

Элис поставила свой бокал на стол и наклонилась ближе ко мне.

– Молодец! Дай пять!

Я пожал плечами, не совсем понимая, почему я молодец, но осторожно хлопнул своей пятерней по выставленной маленькой ладошке.

– Ты уже допил? – спросила она, глядя, как я ковыряю трубочкой лед в своем бокале.

– Да.

– Я тоже. И, знаешь, с удовольствием бы прогулялась. Ты как?

– Пошли...

Я попросил официантку по имени Амаль записать все на мое имя, чтобы расплатиться потом – при выезде из отеля. Подписал счет, и мы с Элис покинули бар, а наш столик тут же занял коротко стриженный блондин с загипсованной рукой, которого я уже мельком видел сегодня утром.

7

Сначала я, конечно, подумал, что ей просто наскучило мое общество, и под предлогом прогуляться Элис решила отправиться к себе. Но я снова ошибся. Мы действительно пошли гулять в противоположную от нашего пляжа сторону. Прошлись немного по освещенным дорожкам, а потом свернули и вышли на северный пляж.

Он был погружен в темноту. Рядом темнел силуэт пункта проката виндсерфингов и гидроциклов. Чуть южнее ярко светились над водой бунгало на сваях, где я сегодня рассматривал акул во время дневной прогулки. Чуть дальше в темноте мерцали огни таких же бунгало на воде у соседнего острова, а между этими огнями и нашим берегом в темноте белели редкие полоски барашков. Усыпанное стразами звезд безоблачное небо раскинулось над нами бархатным покрывалом. Не утихающий теплый ветер шелестел листьями пальм.

Мои вьетнамки загребали воду и ноги утопали в мокром песке, а слабые волны прибоя намочили брюки, которые я поленился закатать. Элис шла босиком, сняв не предназначенные для пляжных прогулок босоножки и неся их в руке. И мы постоянно о чем-то говорили. Пусть, о каких-то малозначительных мелочах, и в основном благодаря ней, но не молчали.

– У тебя есть хобби?

– Да, – ответил я, поразмыслив немного. – Но мои увлечения могут показаться тебе немного странными...

– Почему?

– Потому что они странные...

– Расскажи! А я сама решу, странные они или нет.

– Я иногда посещаю тир... Снимаю напряжение стрельбой...

– И что здесь странного?

– В стрельбе – ничего. Но есть еще одно увлечение... Люблю иногда уйти с палаткой и всяким походным снаряжением в лес или в горы. Только так, чтобы действительно не было возможности вернуться обратно засветло. Побывать одному в тишине, посидеть у костра, послушать, как кричат ночные птицы, шуршит в траве мелкая живность или как вокруг палатки ночью топчется зверье покрупнее. Странно, да?

– Немного... Но это лучше, чем просто сидеть с банкой пива дома перед телевизором...

– Возможно. А ты что делаешь в свободное время?

– Путешествую. Стараюсь куда-нибудь поехать, хотя бы недалеко. Даже просто пешком пройтись по городу можно. Только б не сидеть на месте...

– А сейчас ты не на месте сидишь? – удивился я. – Здесь особо не сходишь никуда... Я этот островок сегодня обошел прогулочным шагом за полчаса. Тебе не скучно?

– Я приехала сюда специально, чтобы побыть подальше от дома, но при этом не сильно утомлять себя разъездами и похождениями. А почему твой выбор упал именно на Мальдивы? – спросила она.

– Ну, так случайно получилось... – пожал я в ответ плечами. – На самом деле мне просто осточертел мой образ жизни. За пределы родной Скандинавии я никуда не выбирался, только в Германию и страны Балтии. Поэтому я, придя в офис первой попавшейся туристической фирмы, попросил отправить меня куда-нибудь подальше – желательно, на другой конец света. Вот так я оказался здесь и...

– Что и?

– И это удивительно, что сейчас я иду с тобой здесь по пляжу и разговариваю, как с подружкой, которую знаю уже не один год... На самом деле, очень странно... Со мной так никогда еще не было.

– Как по мне, так ничего необычного или странного. Может, потому что раньше ты не выбирался настолько далеко за пределы того, что всегда считал своей привычной зоной комфорта? А тут вдруг резко изменил привычкам, и вот он – результат...

Я пожал плечами.

И мы, продолжая болтать, пошли дальше. Брели по воде, потом, вышли на сухой песок и даже присаживались посидеть на какое-то время, чтобы дать ногам высохнуть. Снова шли по остывшему и ставшему прохладным песку. А потом вдруг остановились и замолчали.

Я посмотрел на Элис и проследил за ее взглядом. Она смотрела на один из домиков, расположившихся под пальмами. На единственное бунгало, над дверью которого не горел фонарик, а на самой двери висела приклеенная скотчем табличка с трудно различимой с такого расстояния надписью, содержание которой мне и так было известно – «Не беспокоить».

– Все в порядке? – спросил я.

– Да, – ответила Элис. – Пойдем...

Я кивнул, и мы зашагали прочь.

И тут меня вдруг осенило, но я постеснялся задавать прямой вопрос, поэтому решил зайти издали:

– Элис, а можно тебя спросить?

– Да, конечно, спрашивай...

– Что за полисмен сегодня сидел с тобой в баре?

– Это лейтенант Шакур – следователь из Мале. А что?

– Просто я вчера видел вас вместе в холле. Вы сидели на диванчике, когда я оформлялся на стойке регистрации и получал ключи от номера. У тебя проблемы с законом или он просто пытается за тобой ухаживать?

– О-о-о, это сарказм? Эрик, ты делаешь успехи! Он приезжал, чтобы задать мне несколько вопросов...

– По поводу утонувшего русского?

– Да. Ты, оказывается, и так все знаешь...

– Островок маленький – слухи быстро разлетаются...

– Это точно. Что еще говорят?

– Да ничего особо... Наоборот, все стараются меньше об этом говорить... Местные, видимо, боятся за репутацию отеля, а туристы либо не в курсе, либо не хотят омрачить себе отдых...

– Так уж ничего?! Я и то слышала, как люди между собой шушукаются, когда я прохожу мимо. И если честно, я даже рада, что мой отпуск подходит к концу, потому что еще несколько дней, и каждая собака будет показывать на меня пальцем со словами: «Смотрите, смотрите – это она! Она видела, как утонул несчастный турист, и не помогла ему!». Ей Богу, аж зло берет! – Элис остановилась и обернулась, бросив еще один взгляд на темное бунгало в ряду своих освещенных близнецов. – А что я могла сделать? Я ныряла второй раз в жизни! Мы все начали всплывать вместе с инструктором, а этот идиот не послушался и поплыл дальше. Я запереживала и задержалась тоже, а потом увидела, что он начал барахтаться, беспорядочно махать руками и крутить свои вентили. Мне надо было тащить его наверх – глубина-то здесь ерундовая, но я сама испугалась. Стала всплывать, чтобы позвать на помощь... А потом было уже поздно. Наверное, я действительно виновата, и он погиб по моей вине.

Было темно, и я с трудом мог различить черты ее лица, но мне показалось, что глаза Элис заблестели от слез. А когда она шмыгнула носом, понял, что не показалось. Присмотрелся и заметил, как участилось ее дыхание, как милое личико стало сосредоточенным, а аккуратные губки сжались в ровную черту. Она все еще старалась держать себя в руках, не давая воли нахлынувшим эмоциям.

Я понял, что этот разговор ей неприятен, и неожиданно для себя сделал то, на что не знаю, при каком еще стечении обстоятельств, решился бы – взял ее маленькую ладошку в свою руку. Просто взял за руку, ничего не говоря. Она посмотрела на меня, как мне показалось, не свойственным ей немного растерянным и печальным взглядом, а я, словно проглотив язык, ответил простым кивком. Элис едва ощутимо сжала мою руку и слегка улыбнулась.

Возможно, именно это вернуло мне дар речи, чем я тут же воспользовался:

– Мы можем сменить тему...

– Ничего страшного. Все в порядке. Я тоже хороша – чуть не разревелась тут посреди пляжа, – ответила она, осторожно вытирая увлажнившиеся глаза.

– Учитывая мое невежество, ты имеешь на это полное право.

– И что бы ты делал в таком случае?

– Не знаю... Стоял бы, как дурак, и рассеянно смотрел по сторонам... Утешать я не умею...

– Что, даже не попытался бы обнять и успокоить? – улыбнулась Элис. – Тогда мне точно не стоит плакать при тебе!

В очередной раз она смутила меня своей прямолинейной непосредственностью и откровенностью, но не переступающей грань пошлости, и без тени намека на вульгарность. А, спустя мгновение, мы оба уже смеялись, и я не переставал удивляться тому, насколько мне было легко общаться с Элис.

Но следующая ее просьба меня удивила и даже несколько озадачила. Во-первых, она предложила мне заглянуть к ней на чашку чая, а во-вторых, сказала, что будет очень благодарна, если заодно я прикручу отвалившуюся ручку на ее чемодане. Учитывая мою придурковатость, я, конечно же, растерялся, но вовремя опомнился и согласился помочь.

– Там ничего серьезного на самом деле, просто надо подтянуть пару шурупов крепления. Я сама пробовала, но, видимо, женские руки не заточены для такого рода дел – выкрутила один из них и уронила, так что пришлось сегодня полдня на четвереньках ползать, чтобы его найти...

– Да, забавное зрелище... – прокомментировал я услышанное и сам удивился этой своей реплике.

Но Элис пропустила мои слова мимо ушей или сделала вид, что не придавала им значения. Во всяком случае, никак их не прокомментировала. А что там на самом деле, я не знал и, скорее всего, не узнаю уже никогда.

Через пять минут после того, как ее предложение было озвучено и принято мной, я уже стоял, склонившись над чемоданом, и, приделывая ручку, закручивая шуруп при помощи перочинного ножика. Элис, наблюдая за мной, уже десятый раз повторила, что у нее самой не хватает сил закрутить его как следует, а я был этому только рад. Закончив, я пару раз дернул за ручку, чтобы проверить надежность крепления, и поставил чемодан на пол.

– Вуаля! – сказал я и положил ножик на стол перед зеркалом. – Готово.

Элис смотрела на меня так, как будто я сделал что-то невозможное. Так смотрят на покорителей космоса, когда они возвращаются на землю.

Мы стояли и молчали. И даже не вспомнили про обещанный ею чай. В такой ситуации, чтобы не превращать ее в глупую клоунату, парень, наверное, должен подать тему для разговора, и тогда он получит еще несколько минут в свое распоряжение, чтобы иметь возможность побыть рядом с милым его сердцу созданием, но никогда не должен говорить того, что сказал я:

– Ну, я пойду, пожалуй...

– Хорошо, – ответила она, разведя руками. – Пока.

– Спокойной ночи.

Я сам закрыл за собой дверь.

А потом, сидя у себя в номере, долго размышлял над тем бестолочь я, идиот или кретин. По-моему, ко мне идеально подходили все три определения и еще несколько подобных им. Я так и продолжал мысленно оскорблять себя на протяжении еще нескольких минут, пока меня не прервал стук в дверь. Я машинально глянул на часы. Кого могло принести почти в полночь?

– Кто там?

Ответа не последовало. Я нехотя подошел к двери и открыл ее. На пороге стояла Элис. Она улыбалась и держала в руках мою бейсболку, которую я, видимо, забыл у нее.

– Растяпа! – хихикнула она и помахала ей перед моим лицом.

Я тоже постарался улыбнуться.

– Спасибо...

– Впустишь?

– Э-э-э... Да...

Элис не стала дожидаться, когда я отойду в сторону, и смело протиснулась между мной и дверью. Вошла в комнату, швырнула бейсболку на кровать, и сама села рядом с ней, закинув ногу на ногу.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спросил я, покосившись на мини-бар.

– Нет.

– Может, чай или кофе будешь?

Элис снова отрицательно помотала головой в ответ.

– Хмм...

– Хочешь спросить, какого черта я приперлась? – по-прежнему с улыбкой задала вопрос она, сделав акцент на последнем слове.

– Нет...

– А что тогда?

– Я не знаю... – пожал я плечами в ответ. – Не знаю, что тебе предложить... И, о чем спросить, чтобы завязать разговор, тоже не знаю...

Элис отвела взгляд. Улыбнулась или даже слегка усмехнулась каким-то своим мыслям, мелькнувшим в ее головке, а потом медленно встала. По-кошачьи плавными движениями она обошла меня, стоявшего истуканом посреди комнаты, прислонилась спиной к стене и накрыла ладонью выключатель.

Щелчок. Темнота. Хоть глаз коли – ничего не видно.

– Что ты делаешь? – спросил я.

Снова смешок. Потом шорох. Несколько приближающихся шагов босыми ногами по кафелю. Тонкий аромат духов в темноте. Руки Элис обвили мою шею, а я машинально обнял ее.

На ней уже не было платья. ШОК!

Обжигающая страхом пауза.

Мое сердце молотило внутри, пытаюсь пробить грудную клетку. По телу то жар, то холод. Все как в тумане. Словно даже не со мной, потому что так не бывает. Никогда не было и не могло быть даже в самых смелых моих фантазиях.

Прерывистое теплое дыхание. Пересохшие от волнения губы. Первое робкое касание на ощупь. Потом второе – чуть дольше. И вот уже мы слились в долгом поцелуе. Ее пальцы растворились в моих волосах. Мои руки, со всей трепетной нежностью, на которую я только был способен, бережно скользили в темноте по ее бархатной коже, повторяя плавные изгибы тела, тепло которого я чувствовал даже через свою одежду.

И куда подевались робость и ощущение неловкости? Не знаю. Но дальше было что-то невообразимое, о чем, если парень уважает девушку, с которой у них была близость, не станет рассказывать всем подряд, да и вообще кому бы то ни было. Тем более что хвастаться особо

нечем. Моей заслуги в случившемся не было никакой. Ведь это она решила за нас обоих, а я всего лишь не смог отказаться.

Единственное, что меня до глубины души поразило и показалось необычным в нашей с Элис близости – это отсутствие спешки и резкости, которые обычно присущи впервые вступившим в интимную связь людям, когда каждый из них боится, что второй сейчас передумает, и поэтому пытается получить максимум удовольствия, пренебрегая чувствами и желаниями другого. В нашем случае это была страсть без грубости, нежность без приторности. И не физический контакт играл главную роль, а сближение на уровне каких-то тонких материй, словно мы хотели раствориться друг в друге без остатка.

Почему так? Опять же не знаю. Возможно, потому что в тот момент каждому из нас хотелось больше дать друг другу, чем взять.

8

Я проснулся от того, что сквозь сон услышал, как где-то лилась вода. Помотав головой по подушке, приподнялся на локтях и осмотрел комнату. В номере царил полумрак, но сквозь узкую щель между плотными шторами пробивался дневной свет. Я посмотрел в другую сторону и увидел узкую полоску белого света, который струился из-под двери в ванную комнату. Оттуда и доносился звук льющейся воды.

Мой взгляд остановился на валявшемся у стены черном платице, которое вчера было на Элис. Чуть в стороне валялись ее босоножки, мои брюки и рубашка поло. Сквозь шум воды я уловил ее приятный голосок – она что-то напевала, принимая душ.

Закрыв глаза, я снова откинулся на подушку, благоухающую ее невероятно чувственными духами. Я был счастлив, но никак не мог понять, что именно эта удивительная девушка во мне нашла. Впервые в жизни мне не пришлось делать абсолютно ничего. Я не лез из кожи вон, чтобы ей понравиться. Наверное, поэтому ощущение счастья все-таки имело тонкий налет сомнения в собственной мужской привлекательности. Ведь никто никогда за мной не бегал и не сходил с ума, как некоторые из моих школьных или университетских подруг по другим и без того не обделенным женским вниманием парням, которые мне всегда казались ярко выраженными подонками. А, скорее всего, я просто им завидовал.

Так что же произошло этой ночью? Может, просто нелепая случайность? Я пребывал в состоянии затяжного апатичного кризиса, у Элис тоже не все было ладно, и в этот сложный для нас обоих период мы – два разных, незнакомых человека – встретили друг друга на краю света на крошечном острове. И зачем? Мой отпуск только начинался, ее отдых, судя по всему, уже подходил к концу. Сколько времени нам еще предстояло провести здесь вдвоем прежде, чем каждый вернется домой и снова займется своей работой, она – на бирже, я – своими переводами и прочими бумажками?

Я гнал прочь мысли о том, что это всего лишь курортный роман и ничего больше. Ведь подсознательно я понимал, что скоро я потеряю Элис навсегда. Старался не думать об этом, но понимал, что надо заранее подготовить себя к расставанию. Хотя, к чему там готовиться? Достаточно просто с самого начала не обнадеживать себя и объективно смотреть на вещи.

Но я не мог не радоваться тому, что подушка, на которой покоилась моя голова, пахла духами Элис, а не моим же холодным потом от какого-нибудь кошмара, и что это была самая восхитительная ночь за последний год. Без преувеличения. А, возможно, даже за всю мою жизнь. И я не знаю, какую цену готов был заплатить, чтобы она повторилась еще раз.

Заложив руки за голову, я мечтательно закрыл глаза и, по-моему, даже успел увидеть сон, пока лежал.

Когда открыл глаза, Элис как раз вышла из ванной. На ней было широкое белое полотенце, обернутое вокруг изящного тела, а полотенцем поменьше она вытирала голову.

– С добрым утром! – сказала она и добавила с упреком, – Проснулся, соня? Мы проспали завтрак.

– Доброе... – ответил я. – Знаешь, если каждое утро будет таким, я готов не ходить на завтраки.

Элис усмехнулась в ответ и бросила в меня скомканное полотенце, которым вытирала голову. Затем подняла с пола свое платье и вернулась в ванную. Я проводил ее взглядом, сел на край кровати, свесив ноги, и почесал затылок.

– Элис?

– Да.

– Можно вопрос?

– Валяй!

Я увидел, как на порог открытой двери упало белое полотенце, и сглотнул неприятный комок в горле, боясь испортить все своим дурацким вопросом. Но не спросить не мог.

– Что ты во мне нашла?

– Я должна честно ответить? – послышался встречный вопрос.

– Желательно... Во всяком случае мне было бы приятнее услышать правду, чем ложь...

– А как ты узнаешь, правду я сказала или солгала?

– По голосу... надеюсь, пойму... Просто скажи...

– Ладно. Мне бейсболка твоя понравилась...

Я сначала не нашел, что ответить, помолчал несколько секунд и только потом сказал:

– Могу подарить. А если серьезно?

– Не обижайся, Эрик, пожалуйста! Я просто неудачно пошутила. Извини меня – дурочку.

– Ничего. Ладно, забудь. Можешь не отвечать.

– Я скажу... Похоже, мы одновременно друг друга заметили. Это было еще позавчера, в холле, когда ты только приехал, а я... я отвечала на вопросы следователя... Мне хотелось отвлечься от этой темы с русским туристом, и я гладела по сторонам, а тут ты – такой молодой и одинокий на фоне вновь прибывшей толпы китайцев и нескольких европейских супружеских пар. В общем, ты мне сразу показался человеком хорошим, но каким-то озадаченным или даже грустным... Я тоже была не в восторге от своего одиночества здесь и от всей этой истории. Поэтому и взяла инициативу в свои руки, стала мозолить тебе глаза, выставила руку с коктейлем, чтобы ты толкнул меня, когда уходил из бара... Ну, а дальше ты все знаешь...

Я не знал, как мне реагировать на услышанную новость. Сказать я тоже ничего не мог – моя отвисшая челюсть упорно не хотела подниматься с колен и возвращаться на место. Получалось, что я просто ей понравился. Никогда раньше я не думал, что вид чем-то озадаченного или расстроенного мужчины может произвести на девушку впечатление. Или это был интерес из жалости? Похоже, ей просто было скучно, а я случайно подвернулся под руку. Даже обидно как-то стало.

– Когда все это закончится, я имею в виду твой и мой отпуска, и мы вернемся, ты – в Нью-Йорк, я – в Стокгольм, что будет дальше? Ты бы хотела продолжать общаться?

Элис молчала около минуты. Не было слышно ни единого звука, и если бы так продолжалось еще хоть секунду, то я бы подумал, что ее уже нет в номере, и я говорю сам с собой. Но Элис никуда не делась. Она осторожно выглянула в открытую дверь ванной и посмотрела на меня своими удивленными и одновременно испуганными зелеными глазами, а потом опять скрылась из виду.

– Я задал неуместный вопрос... – даже не спросил, а, скорее, констатировал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.